

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

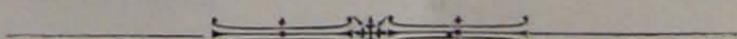
ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского.

Выпускъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Петербургской Газеты. Владими́рский пр., № 12.
1890.

Три года въ Якутской области.

Этнографические очерки.

ГЛАВА II.

Встрѣча весны. Йысыэхъ. Преданіе объ учрежденіи йысыэха и происхожденіи Якутовъ. Преданіе объ Эрь-эллеѣ, по Миддендорфу. Якуты, вытѣсненные съ юга Бурятами, поселяются на Ленѣ и здѣсь покоряются пришедшими Русскими. Остатки крѣпости въ Якутскѣ. Судьба Якутовъ послѣ Тыдына. Образованіе Верхоянска.

Проходить суровая и непривѣтливая зима, и снѣгъ, нагреваемый солнцемъ, быстро вывѣтривается, говоря по мѣстному—быгаетъ; проходить ледъ на рѣкахъ и также быстро наступаютъ сильные жары. Вѣчно мерзлая подпочва не даетъ просачиваться влагѣ; подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей земля быстро одѣвается густою, высокою и яркою растительностю; дни становятся длиннѣе и наконецъ солнце не закатывается, останавливаясь на горизонти. Съ растительностью оживаетъ и вся остальная природа: прилетаютъ птицы и оглашаютъ воздухъ своимъ разнообразнымъ пѣніемъ; скотъ становится бодрѣе, теряетъ свою мохнатую зимнюю шерсть. Но болѣе всѣхъ чувствуетъ себя счастливымъ бѣдный Якутъ: ему не нужно болѣе коченѣть и дрожать, не имѣя возможности обогрѣться у собственного очага; его не будетъ болѣе томить сосущій голодъ; онъ восторженно прославляетъ грѣюще солнце въ своей пѣснѣ, которую поетъ на просторѣ; его не стѣснить теперь недремлюющій надзоръ его хозяина; ему будетъ тепло, онъ будетъ сытъ, онъ не будетъ сидѣть въ темной и мрачной юртѣ—кровлей ему будетъ широкое и ясное небо!

Якуты мало имѣютъ развлечений, и только съ приходомъ весны и лѣта наступаетъ время удовольствій. Якуты по характеру очень скромны, а потому удовольствія ихъ очень ограничены и носятъ на себѣ отпечатокъ старого, патріархального времени.

По веснѣ кобылы начинаютъ доиться, накапливается кумысъ. Въ торжественные дни, на Николу, въ Троицынъ день, собирается по богачамъ масса народу: подъ открытымъ небомъ, на чистой полянѣ, въ определенныхъ пунктахъ выставляются берестяная посуды—холлогость съ кумысомъ; вкапываются три высокихъ столба, украшенные зеленью, и къ каждому

изъ нихъ приставляется мальчикъ лѣтъ 10—11-ти, лицомъ къ востоку, съ громаднымъ турсукомъ кумысу—сири-исыть; когда соберутся приглашенные и разсядутся на полянѣ, гдѣ будеть указано хозяиномъ, и сѣдуться почетные гости, старѣйший изъ собравшихся береть главный чоронъ (деревянный кубокъ, иногда вмѣстимостью до полутора ведёр)—аяхъ, украшенный конскимъ волосомъ, до краевъ наполненный кумысомъ, поднимаетъ его высоко надъ головой и произносить посвященіе—алгысъ—перваго удоя Юрюнь-Аи и Юрюнь-Аръ'у: «Аи-Тоенъ, благодаримъ тебя! Ты даль намъ лѣто, ты послалъ намъ много телятъ, жеребятъ, молока. Ты одѣль лѣсъ весеннимъ нарядомъ, поля—зеленої травой. Скоро наступитъ покосъ и жатва, давно нами ожидаемая благодать. Тебѣ, Аи-Тоенъ, подносимъ этотъ аяхъ съ кумысомъ и усердно просимъ тебя—благослови насть и нашъ скотъ, дай тучный злакъ полямъ нашимъ, здоровье и силу скоту! Тоенъ! прими нашу жертву, испей нашего напитка, и благослови его, чтобы и мы, вкушивъ его, были здоровы и счастливы!» Прежде эта жертва приносилась богу огня, и часть кумыса и растопленного масла отпескивалась въ огонь.

Затѣмъ старѣйший отпиваетъ изъ своего аяха, передаетъ его по очереди старѣйшему по себѣ, причемъ каждый отпиваетъ возможно меньше, чтобы изъ этого чорона досталось выпить большинству; но такъ какъ его все-таки не хватаетъ, то подливаютъ въ него изъ тѣхъ, которые держать мальчики, а затѣмъ и изъ другихъ посудъ. По совершеніи обряда, собравшіеся издалека, въ праздничныхъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ богатыхъ костюмахъ и на богато осѣдланныхъ лошадяхъ, Якуты и Якутки приступаютъ къ угощенію, которое предлагаетъ имъ хозяинъ, изъ мяса, масла, чаю и въ небольшемъ количествѣ водки. Почетные гости угощаются въ юртѣ, причемъ имъ въ кумысъ кладутъ топленое масло въ мелкихъ кусочкахъ, что считается особеннымъ знакомъ вниманія къ гостю. Кумыса, этого кисло-сладкаго и пьяного питья, истребляется иногда однимъ Якутомъ неимовѣрное количество: хороший молодецъ выпиваетъ за одинъ разъ до $\frac{1}{4}$ ведра, а въ теченіе дня выпить до $1\frac{1}{2}$ ведра. На лугу начинается ысыэхъ пляскою: знакомые между собой соединяются въ кружки, берутся за руки спереди черезъ одного, образуя тѣсную цѣпь, и подъ припѣвъ го-ю-го-ю, раздающійся на далекое пространство, переступаютъ ногами; иногда кто-нибудь изъ пѣвцовъ поетъ, а другое ему подпѣваютъ: «Эгей эгей оголоръ дже доготторъ брерь кюмпють юнья таптыръ кюмпють тахсанъ эряръ санга джылбыть салалынна эрыя джылбыть эляйда ань дойду ачалата кѣнь дойду кергенъя ёскюлляхъ джонъ ёскята теректэхъ сёсю тѣрѣтъя терюръ-ого уялана итаръ сёсю кюрблянныя бу брю инишгаръ кекелесенъ олоронъ керя тылла кепсетегингъ чогусасанъ олоронъ джолахъ тылла тоїносогунъ эри доготторъ эгей эгей оголоръ!» т. е. Ой люли, ой люли, ре-

бята! Вотъ, друзья, радостные дни настали, любимое солнце восходитъ, новое лѣто наступило, старое лѣто исчезло, вся земля позеленѣла, широкая земля зеленою одѣлась, здоровые люди рождаются, крупный скотъ телится, родившіяся дѣти въ колыбели, прокармливаемый скотъ въ поскотинахъ. Ради этой радости, рядомъ сидя, говорите между собой приятныя рѣчи, сидя рядомъ, счастливо разсуждайте, друзья! Ай люли, ай люли, ребята!

Послѣ кумысу является у Якутовъ желаніе состязаться въ бѣгѣ и въ борьбѣ. Для бѣговъ выбираютъ мѣстность твердую, если можно, вокругъ озера; если озеро небольшое, то обѣгаютъ нѣсколько разъ, такъ что разстояніе доходитъ до 8, 10 верстъ. Бѣгутъ заразъ нѣсколько бѣгуновъ, и пришедшему первымъ оказываются почетъ, кричать урой, а отставшихъ встрѣчаютъ насмѣшками, остротами, шутками. Якуты—большіе охотники биться объ закладъ, и на бѣгахъ держать пари за ту или другую лошадь.

Молодежь, подъ вліяніемъ бѣговъ и успѣха опередившаго, начинаетъ хватать, спорить силой и ловкостью; начинается бѣгъ въ запуски, борьба. При этомъ составляются партіи: каждая выставляетъ своихъ представителей, которые, раздѣвши до бармы (испорченное русское слово портки), вступаютъ въ состязаніе. Борьба бываетъ самая безобидная и заключается въ стараніи свалить противника, не давъ ему обхватить себя, для чего натираютъ тѣло травой; всякий упавшій, хотябы на одно колѣно, или опершійся на руки, считается побѣжденнымъ, и сконфуженный, скрывается въ толпу, тогда какъ побѣдителя встрѣчаетъ шумное одобрение и восторгъ. Зрители зорко слѣдятъ за состязаніемъ и несдержанно выражаютъ свои сужденія по поводу всякой подробности борьбы. Конечно, бываютъ случаи, что добродушно начавшаяся борьба разгорячаетъ противниковъ, и, подзадоренные восклицаніями толпы, они увлекаются и наносятъ другъ другу памятные удары.

Свѣтлая и теплая ночь позволяетъ забывать и поздній часъ, и утомленіе, и гости разбѣживаются не охотно, їдуть цѣльми партіями, продолжая тянуть свои монотонныя скрипучія пѣсни, которая далеко разносится въ тихомъ воздухѣ привѣтливо-мягкой прозрачной ночи.

Не говоря о бѣднякахъ, даже сытые богачи рады веснѣ. Семимѣсячная суровая и сумрачная зима наскучаетъ всѣмъ; богачу, какъ и бѣдному, хочется подышать весеннимъ воздухомъ и насладиться, кто какъ умѣеть, или какъ можетъ, короткимъ и жаркимъ лѣтомъ, полежать на солнышкѣ, погрѣть свой животъ и кости. Бѣдняку, конечно, лѣто еще драгоцѣнѣе: хотя работы и больше, но онъ работаетъ самостоятельно, безъ надзора; молока больше, а потому и онъ чаще бываетъ сытъ. Вотъ почему съ такою радостью встрѣчается наступленіе лѣта; вотъ почему чаще слышится пѣсня Якута, хотя похожая больше на вой или скрѣпъ немазанного колеса, которому онъ вторить. Подъ

вліяніемъ согрѣвающихъ лучей солнца, и скупой богачъ становится тароватымъ и щедро угощаетъ на ысыэхъ гостей, прослушавшихъ о предстоящемъ празднике. Рѣзкій переходъ отъ холода къ теплу, отъ мрака къ свѣту такъ сильно вліяетъ на человѣка этой суровой и мрачной окраины, что онъ не въ состояніи сдерживать въ себѣ быстрого наплыва сильныхъ ощущеній, проявляющихся въ цѣломъ рядѣ празднествъ, въ которыхъ и проходятъ всѣ полевые и хозяйственныя работы. Такъ бѣднякъ поетъ: «Вотъ пришла весна, солнышко свѣтить ярче и теплѣе, поля убрались красивою зеленою и прекрасными цвѣтами, лѣсь одѣлъ свои праздничныя одежды, птички своими пѣснями оглашаютъ воздухъ. Вотъ и намъ можно отдохнуть теперь, погрѣть и расправить свои окоченѣлые члены! Скотъ даетъ много молока, и мы будемъ сыты. Пойдемъ на покосы и, хоть будемъ трудиться, запасемся на суровую зиму. Боже, зачѣмъ ты не далъ намъ вѣчнаго лѣта и весны? тогда-бы мы всегда благоденствовали. Боже, дай намъ долгое лѣто—мы будемъ счастливы!»

Съ учрежденіемъ первого ысыэха связано преданіе о происхожденіи нынѣшихъ Якутовъ. По преданію, Якуты поселились на настоящихъ своихъ мѣстахъ когда-то очень давно и предкомъ ихъ нужно считать Оногой-бая¹⁾, Татарина (?) изъ племени Саха²⁾, первого пришедшаго на Лену. Онъ пришелъ съ женою Сара, ея братомъ Улу-хоро³⁾ и рабами; всѣхъ мужчинъ было 13⁴⁾). У нихъ было много скота, рогатаго и коннаго; кочевали они по лѣвому берегу Лены, по долинѣ, названной имъ Сайсары, гдѣ теперь стоитъ г. Якутскъ; мѣсто это было удобно для скота и промысловъ: необозримыя поля, луга и лѣса были преисполнены несмѣтнаго количества дорогого пушного звѣря, исчезнувшаго теперь съ увеличеніемъ населенія. На Сайсары у Оногой-бая родились сынъ Ань-тайбыръ и дочери Ань-чингай⁵⁾ и Ника-харахсынъ⁶⁾). Спустя нѣкоторое время къ Оногой-баю пришелъ Эръ-эллей⁷⁾, сильный и ловкій молодецъ татарского происхожденія (не Бурятъ-ли?). онъ былъ искусный охотникъ и, какъ говорить преданіе, рыскаль по тайгѣ сѣрымъ волкомъ, водилъ медвѣдей подъ руку, а въ водѣ чувствовалъ себя щукой. Эръ-эллей поступилъ къ Оногой-баю работникомъ и прожилъ три года, заслуживъ уваженіе и любовь семейства. Разъ Сара сказала своему мужу: «Отличный человѣкъ этотъ Эръ-эллей! онъ скорѣе пригоденъ намъ въ зятья, чѣмъ въ рабы». Оногой отвѣтилъ сердито: «Я ни-

¹⁾ Бай—значить богатый.

²⁾ Киси—человѣкъ; урангхай-саха—человѣчество.

³⁾ Улу—великій, хоро—имя собств.

⁴⁾ Рабы и женщины у древнихъ Якутовъ не включались въ счетъ людей.

⁵⁾ Ань—первенецъ.

⁶⁾ Ника—нѣженка.

⁷⁾ Эръ—храбрый мужъ.

когда не рѣшусь отдать дочь за пришельца, какъ Эллей; вѣрно, онъ приглянулся тебѣ самой! «Я знаю», сказала Сара, «что ты боишся Эллея; я чувствую, что онъ счастливъе тебя; ты дрожишь, когда видишь его; если хочешь убѣдиться въ правотѣ словъ моихъ, положи среди урасы (берестяного шатра) бѣлу конскую кожу, прикрѣши ее къ землѣ кольями и, сѣвъ на нее, возьми въ руки полный до краевъ чоронъ кумысу и призови Эллея». Оногой исполнилъ совѣтъ жены, и, дѣйствительно, когда вошелъ Эллей, Оногой такъ задрожалъ, что половина кумысу у него расплескалась, а кожа сорвалась съ кольевъ (см. ниже сказаніе о томъ-же у Миддендорфа). Убѣдившись въ силѣ и вліяніи Эллея, Оногой сказалъ ему: «Другъ мой, Эръ-эллей! ты прослужилъ у меня болѣе трехъ лѣтъ съ усердіемъ родного, и я желаю вѣзнаградить тебя; я знаю, что такому молодцу, какъ ты, и конь мой удалый, и дорогой звѣрь пушной, добро мое,—не награда; у тебя нѣтъ подруги, выбери себѣ по сердцу изъ моихъ дочерей». Эръ-эллей поблагодарилъ за милость и просилъ отсрочки. Старшая дочь Оногоя была неуклюжа и звалась Ань-чингай, а младшая Ника-харахсынъ была красива и любимица отца. Прошло еще три года, и Эръ-эллей объявилъ о своемъ выборѣ. Эръ-эллей въ продолженіи трехъ лѣтъ искалъ случая увидѣть, когда невѣсты пойдутъ мочиться; но это ему не удавалось, такъ какъ женщины того времени были очень стыдливы и даже показывались не иначе, какъ съ покрываломъ на лицѣ. Только въ концѣ третьего года удалось ему наконецъ замѣтить мѣсто, гдѣ мочились невѣсты. Тутъ онъ увидѣлъ, что моча младшей Ника-харахсынъ осталась на поверхности земли, а моча старшей проникла въ землю, выворотила корни кустарника и образовала пѣну въ видѣ бѣлой куропатки. Изъ этого Эллей заключилъ, что старшая будетъ матерью многихъ и сильныхъ дѣтей. Младшая не перенесла такого предпочтенія, и, завидуя счастью Ань-чингай, удавилась своими длинными косами. Оногой-бай, огорченный смертью любимой дочери и считая въ томъ виновными Эръ-эллея съ его молодою женой, выгналъ ихъ изъ дома и въ знакъ своего проклятія далъ имъ жеребца и кобылу бѣлой масти съ выстриженными хвостами и гривами да быка и корову съ отбитыми рогами. Эръ-эллей не опечалился проклятіемъ; онъ выстроилъ себѣ громадную юрту, а пищей ему были лучшіе звѣри и птицы. Юрта и ураса его украшались костями рѣдкихъ звѣрей и перьями красивыхъ птицъ.

У Эллея было много дѣтей, изъ нихъ 6 сыновей:

1) Лабынгха-сюрюкъ, старшій сынъ, впослѣдствіи пропавшій безъ вѣсти; отъ считается первымъ шаманомъ, первымъ установителемъ вѣрованій и обычаевъ Якутовъ.

2) Хадашъ-хагаласть,—отъ него произошли Якуты двухъ Кангала-скихъ улусовъ.

3) Джонъ-джаагылы (джонъ-джаабы?)—отъ него произошел Бату-
русский улусъ.

4) Молотой-орхонъ—отъ него Мегинскій улусъ.

5) Дэли-дарханъ—отъ него Борогонскій и Дюпсинскій улусы, по
имени двухъ сыновей его: Борогонъ-джорту и Сурдяхъ-дюпсюнъ.

6) Хатанъ-хата-малай, родоначальникъ Намскаго улуса.

Эръ-эллей первый ввелъ примѣненіе дымокура, которымъ охранялъ скотъ
отъ комаровъ и мошки; къ дымокурамъ собирался весь скотъ (вѣроятно, и чу-
жой), который онъ выдавалъ. Накопивъ такимъ образомъ много кумысу, онъ
вздумалъ устроить народный праздникъ, назвавъ его ысыэхъ отъ слова
«вспрыснуть». Устроителемъ и распорядителемъ праздника былъ старшій сынъ
его Лабынгха-сюрюкъ, этотъ первый шаманъ. Онъ велѣлъ вырѣзать изъ тол-
стыхъ березъ чаши, назвавъ ихъ чоронъ-аяхъ, и ковши—эбирь-хамыяхъ.
Чаши и ковши онъ перевязалъ веревками изъ бѣлыхъ конскихъ гривъ и на-
звалъ эти веревки дяльбирга. На открытой полянѣ вкопалъ три столба,
соединивъ ихъ сверху перекладиной; у столбовъ насадилъ молодыхъ березъ,
обвилъ ихъ волосяными веревками, украсилъ пучками конского волоса и на-
звалъ ихъ далбаръ-чачиръ, то есть жертвенникъ; около столбовъ съ
березками поставилъ кожанную посуду, полную кумысу съ масломъ; вся пло-
щадь предстоящаго праздника была названа дирингъ-тюсюльга. Когда
въ назначенный день съ восходомъ солнца собрались люди, Лабынгха поста-
вилъ ихъ съ открытыми головами у далбаръ-чачира, лицомъ къ востоку, полу-
кругомъ; впереди народа 9 юношей, стоя на лѣвомъ колѣнѣ, держали въ ру-
кахъ чоронъ-аяхъ, полные кумыса съ масломъ; самъ онъ вышелъ впередъ съ
ковшемъ эбирь-хамыяхъ и сказалъ такъ: «Человѣкъ созданъ высшими боже-
ствами (аи-тангара); назначеніе его—украшать и населять землю, пользоваться
земными богатствами во время своей жизни; тѣло наше слабо, должно умереть,
но духъ его (кутъ) будетъ существовать въ вѣчной зелени на небесахъ въ
видѣ жаворонка. Выше видимаго неба еще много небесъ съ божествами, а
подъ землею живутъ злые духи. Сегодняшній праздникъ устроенъ для того,
чтобы мы все вмѣстѣ могли поблагодарить божества, насть создавшія, за да-
рованіе намъ земныхъ благъ и вкусить изъ одной посуды въ знакъ мира и
единенія». Затѣмъ Лабынгха-сюрюкъ, подойдя къ 9-ти юношамъ съ чоронами,
черпалъ по очереди изъ каждого кумысъ своимъ ковшемъ и брызгалъ имъ въ
пространство, какъ-бы отдавая въ жертву божествамъ дары, ниспосланные ими
людямъ; при каждомъ чоронѣ призывались по очереди слѣдующія божества:

1) Артъ-тоенъ-ага, сидящій надъ 8-мъ небомъ;

2) Юрингъ-аи-тоенъ, сидящій надъ 3-мъ небомъ;

3) Няльбай-аи-кюбай-хотунъ-ия (богиня);

- 4) Налыгыръ-аисытъ-хотунъ—богиня, присутствующая при рождении детей;
- 5) Ань-алой-хотунъ—мать земли; ея сынъ Эрика-джалякя—богъ зелени;
- 6) Кюре-джасиягай; ихъ семь братьевъ: а) Сюрдяхъ-сюгятоенъ—богъ грома; б) Ань-джасынъ—богъ свѣта и молніи; в) Танхасытъ-джилга-ханъ—распорядитель судьбы человѣка; г) Ильбисъ-ханъ—богъ войны; д) Ордукъ-джасабылъ—вестникъ небесного гнѣва; е) Ханъ-еехситъ-эрдэнъ-аи—вестникъ благодати; ж) Сюнгъ-ханъ-сюнкэнъ-эряли-хомпорунъ-хотой-аи—богъ птицъ;
- 7) Моголь-тоенъ и Усунъ-куяръ-хотунъ—божества, покровительствующія скоту;
- 8) Бай-баяндай; ихъ семь братьевъ: а) Бай-барылахъ; б) Ку-ралай-бяргянъ и в) Курагаччи-сюрюкъ—боги охоты и промысловъ; г) Долбуунъ-сокхоръ и д) Соссанъ-эркинъ—препятствующіе охотѣ и промысламъ; е) Тыга-бытырысь и ж) Ханнахъ-сегеленъ—боги промысловъ;
- 9) Боссолъ-тоенъ и Бомча-хотунъ—охраняющіе пути къ божествамъ; Баранъ-батыръ—богъ юрты, Элясъ-батыръ—богъ хлѣва и двора; семь братьевъ—боги огня: Бирджа-бытыкъ, Кырыль-тиюсюмаръ, Кюндюль-чаганъ, Кюря-чаганъ, Ханъ-чаганъ, Хатанъ-сотуя и Ылгынъ-эрбія.

Поименовавъ всѣ божества, въ честь которыхъ былъ совершенъ ысыэхъ, Лабынгха-сюрюкъ трижды прокричалъ «урый»; народъ восторженно повторялъ за нимъ, и въ это время видѣли бѣлую чайку, трижды прокружившуюся надъ мѣстомъ собранія, что было принято за доброе предзнаменование божествъ. Оногой-баю, какъ старѣйшему, первому былъ поднесенъ чоронъ; принявъ его, онъ упалъ, какъ убитый; онъ пересталъ видѣть, ноги и руки его онѣмѣли; онъ лишился всѣхъ чувствъ. Народъ усмотрѣлъ въ этомъ волю божествъ, карающихихъ Оногой-бая за проклятие имъ Эрь-эллея и за изуродованіе имъ скота, созданія Божія.

Оногой-бай вскорѣ послѣ того умеръ; все его богатство исчезло отъ разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ; единственный сынъ его—Барагай-батылы-кяльтягай-тобукъ, отъ которого произошли Якуты Баягантайскаго улуса, терпѣль нищету и питался добычей, которую приносила ему черная собака.

Якуты другихъ округовъ области, кромѣ якутскаго, произошли отъ названныхъ выше предковъ и заселили мѣста виѣ якутскаго округа путемъ переселенія, частію—добровольно, въ видахъ промысла и охоты, частію—по

необходимости, вытесняемые движениемъ другихъ болѣе сильныхъ родовичей и наконецъ путемъ принудительной ссылки—въ сѣверные, болѣе отдаленные округа.

Послѣ смерти Эрь-эллея ысыэхи устраивались въ каждомъ улусѣ по поводу какихъ-либо торжественныхъ обстоятельствъ, съ соблюдениемъ описанного обряда. Вѣруя во вліяніе своихъ божествъ, живущихъ на небесахъ, на землѣ и подъ землею, Якуты признавали воплощеніе ихъ въ птицахъ и разныхъ неодушевленныхъ предметахъ и, не поклоняясь, оказывали имъ знаки уваженія, почитали тѣ мѣста, которыя, по ихъ убѣжденіямъ, посѣщали эти божества, напр. старыя деревья; озера почитались, какъ глаза, а поле, какъ лицо матери земли. Постоянныхъ призываній божествъ не было. Кромѣ общихъ божествъ, каждое племя имѣло своего особаго покровителя, который воплощался въ предметы видимые; каждый обращался къ своему покровителю или къ тому, который соотвѣтствовалъ извѣстному случаю.

Преданіе объ Оногой-баѣ и Эрь-эллеѣ разсказано у Миддендорфа (русск. изд., ч. II, отд. VI, выпускъ 7-й, стр. 763) нѣсколько иначе, а именно: «Много, много лѣтъ тому назадъ жилъ очень богатый Якуть, по имени Огономъ. У него было двѣ дочери; одну изъ нихъ онъ очень любилъ, другой не любилъ. Его часто посѣщалъ Бурятъ, по имени Ельяй, потому что они были большие друзья; онъ приплывалъ къ нему внизъ по Ленѣ на суднѣ, сдѣланномъ изъ кожъ. Огономъ предложилъ ему ту изъ дочерей, которая ему понравится. Ельяй выбралъ нелюбимую дочь. Осерчавъ на нее еще болѣе, отецъ далъ за ней въ приданое только кобылу и бурую корову. Между тѣмъ умерла и любимая дочь. Жена стала уговаривать Огонома навѣстить зятя. «Ты уже становишься слабъ», говорила она ему. Старикъ не хотѣлъ вѣрить этому. Но однажды Ельяй, посѣтивъ его, колышками кругомъ прикололъ кафтанъ тестя. Огономъ взялъ полную чашу съ кумысомъ, но, стараясь встать, пролилъ все, что въ ней было. Понявъ изъ этого, что онъ началъ слабѣть, онъ помирисился съ Ельяемъ и навѣстилъ его. Сынъ Ельяя назывался Тыгын'омъ и былъ сильный и могущественный правитель. Въ это время первые Русскіе прибыли въ край по рѣкѣ, но ихъ было немного. Тыгынъ убилъ всѣхъ, кромѣ одного, который былъ силачъ и взять въ батраки. Послѣдній убѣжалъ и затѣмъ прибыло очень много Русскихъ на большомъ суднѣ. Долго они вели войну съ Тыгыномъ. Они построили крѣпость съ башнями и сверху стрѣляли. Тогда Якуты скрутили изъ конскаго волоса огромный канатъ и попытались обрушить башни. Но Русскіе скатывали сверху бревна. Они взяли Тыгына въ плѣнъ и повѣсили его. Въ то время у Тыгына родился сынъ Эбэрэ, отъ котораго происходить существующій еще доселѣ родъ. Кангалацы-же потомки братьевъ Тыгына».

По поводу выписанного только-что преданія, какъ оно изложено у Миддендорфа, пользуюсь случаемъ разсказать, что пришлось слышать мнѣ о переселеніи Якутовъ въ Якутскую область и о приходѣ Русскихъ къ нимъ во времена Тыгына.

Воспоминанія Якутовъ о своемъ происхожденіи и о мѣстахъ своего прежняго жительства до переселенія ихъ въ теперешнюю Якутскую область—смутны. Такъ преданіе утверждаетъ, что въ глубокую старину они жили около моря Байкала, отчего и теперь всякое большое озеро называется ими ба я галь, «море». Во всякомъ случаѣ, Якуты жили ранѣе въ странѣ южной, гдѣ они не знали снѣжной зимы, а поля и луга ихъ были такъ обширны, что если-бы кто захотѣлъ обозрѣть ихъ съ высоты горъ (байкальскихъ?), то глазъ его не увидалъ-бы границъ и предѣловъ страны, а видѣль-бы только упирающееся въ нихъ синее небо, такое-же синее, какъ и вода ихъ моря (Байкала). Скота у нихъ было такъ много, что его не помѣстить было-бы въ этомъ морѣ; сами они составляли племя многочисленное, какъ песокъ морской. Ведя пастушескую жизнь, Якуты въ то-же время были и конными воинами; они уже знали употребленіе желѣза и умѣли ковать себѣ оружіе и латы. Лукъ за спиной, колчанъ со стрѣлами съ желѣзными наконечниками—на лѣвомъ боку, обоюдоострая пальма, длиной въ аршинъ и съ короткою рукояткою въ видѣ меча, висѣвшая на поясѣ съ правой стороны и наконецъ желѣзная четырехъ-угольная пика на длинномъ древкѣ—составляли обыкновенное вооруженіе Якута; лучшіе воины, болѣе зажиточные, одѣвались кромѣ того въ желѣзныя шубы—латы. И въ древнее время Якуты жили и управлялись родами, имѣя во главѣ родовика, власть котораго была наследственна; всѣ-же роды, составляя цѣлое племя, подчинялись одному главному родоначальнику, облеченному неограниченной властью суда и расправы и имѣвшему власть надъ жизнью и смертью всякаго принадлежавшаго къ племени. Религіозныя ихъ вѣрованія были языческія; грозныя силы природы убѣждали ихъ въ существованіи духовъ добрыхъ и злыхъ, для умилостивленія которыхъ приносились жертвы чрезъ посредство особыхъ служителей—шамановъ. Въ семейномъ быту признавалось полигамія и неограниченное наложничество.

Якуты сами себя никогда не звали Якутами, а носили и носятъ название саха—навозъ¹⁾). Название-же Якутовъ имъ дали Русскіе, которые въ старое время звали ихъ Еко, что съ теченіемъ времени преобразовалось въ слово: Якуть.

Воспоминанія Якутовъ не сберегли имъ опредѣленныхъ свѣдѣній о времени, когда предки ихъ оставили мѣста своего коренного, родного края; пре-

¹⁾ Навозомъ обмазывали и обмазываютъ юрту; изъ навоза дѣлали и дѣлаютъ посуду; за отсутствиемъ глины хозяйство Якута безъ навоза—не мыслимо.

даніе говорить только, что въ блаженное ихъ пребываніе въ южномъ краю пришли къ нимъ въ несмѣтномъ числѣ татарскія полчища, сильно вооруженныя, и, перерубивъ и перестрѣлявъ многихъ, принудили ихъ оставить свои излюбленныя, насиженныя мѣста. Якуты двинулись на сѣверъ, но разбрелись въ разныя стороны; главная же часть съ своимъ главнымъ родоначальникомъ Оногой-баемъ двинулась къ Ленѣ и, спустившись по теченію, остановилась у озера Сайсары на уроцищѣ Собирай, гдѣ теперь стоитъ г. Якутскъ. Ведя из-стари пастушескую кочевую жизнь, Якуты на новомъ мѣстѣ поселенія старались сохранить свой первобытный образъ жизни, но, выбиравъ на широкихъ неограниченныхъ пространствахъ удобныя мѣста для пастбищъ, должны были перейти къ занятію скотоводствомъ и, мало-по-малу, подвигались на западъ по р. Вилюю, на сѣверъ—къ Верхоянскому хребту и на востокъ—по р. Алдану. Не зная ранѣе на своей южной родинѣ зимы, здѣсь принуждены были они установить новое распределеніе времени: выпадалъ первый снѣгъ—начинался годъ; ставалъ снѣгъ—этотъ годъ кончался и начинался новый—лѣтній; такимъ образомъ годъ на ихъ новомъ поселеніи равнялся шести мѣсяцамъ съ сентября по мартъ и съ марта по сентябрь. Такое распределеніе года у нихъ осталось и до настоящаго времени.

Отъ брака дочери Оногой-бая—Ань-чингай и Эръ-эллея было шесть сыновей, и отъ одного изъ этихъ послѣднихъ родился Тыгынъ, ревностно охранявшій независимость своего племени. Во времена этого знаменитаго Улаханъ-князя ¹⁾ случилось съ Якутами неожиданное и страшное обстоятельство. На берегу рѣки (Лены) показались удивительные люди; они были бородаты, не похожи на Тунгусовъ; въ общемъ видъ ихъ былъ страшенъ. Якуты, не забывши своихъ вытѣснителей изъ южной родины, перепугались и доложили своему повелителю. Тыгынъ приказалъ привести къ себѣ этихъ незнакомцевъ. Якуты, собравшись въ огромномъ числѣ, пошли братъ этихъ людей, но послѣдніе отдались имъ безъ всякаго сопротивленія. Якуты привели своихъ пленныхъ къ Тыгыну, который опредѣлилъ ихъ къ себѣ въ домашнюю прислугу. Новые рабы обращали на себя вниманіе сообразительностью, расторопнѣстю и скромной исполнительностью. Громадная физическая сила ихъ и выносливость въ тяжелыхъ трудахъ, которые возлагалъ на нихъ Тыгынъ, внушали къ нимъ страхъ, и Тыгынъ не измѣнялъ съ ними своего деспотическаго, а временами даже звѣрскаго обращенія. На одну изъ жестокихъ выходокъ Тыгына жена замѣтила ему: «Напрасно ты такъ грубо обращаешься съ этими людьми; въ ихъ крови живетъ смѣлость и отвага; нужно бояться, чтобы они не сдѣлались нашими тоенами» ²⁾). Что отвѣчалъ на это Тыгынъ,

¹⁾ Улаханъ—великій, большой.

²⁾ Тоенъ—господинъ, повелитель.

не известно. Пришельцы между тѣмъ были необыкновенно услужливы и предупредительны, такъ что разъ Тыгинъ даже отступилъ отъ своего обычнаго съ ними обращенія и спросилъ ихъ: «Чѣмъ наградить васъ, слуги мои дорогие? Хотите-ли скота моего и лошадей, хотите-ли мѣховъ дорогихъ—дамъ вамъ; чего пожелаете—просите!» Пришельцы смиренно отвѣчали: «Благодаримъ тебя, великий тоенъ! намъ не нужно скота твоего, или мѣховъ; но если мы угодили тебѣ, то дай намъ земли, сколько зайдетъ воловья кожа». Такая скромная просьба удивила Тыгина, и онъ, поклявшись у корня дерева, что не нарушить правъ новыхъ владѣльцевъ, велѣлъ отвести имъ просимое. Пришельцы повторили исторію основанія Кареагена, и, разрѣзавъ кожу на тонкіе ремни, обвели ими четырехугольникъ земли и стали считаться ея собственниками. Только тогда понялъ Тыгинъ хитрость на первый разъ немудреной просьбы пришельцевъ, но клятва была дана, и нарушеніе ея грозило страшнымъ гневомъ боговъ. Границу своихъ владѣній пришельцы опредѣлили столбами, а сами, построивъ лодки, на парусахъ поплыли вверхъ по рѣкѣ. Якуты были очень удивлены, увидавъ, что эти странные люди поплыли противъ течения безъ весель на какихъ-то пузыряхъ. Новое и страшное обстоятельство вскорѣ поразило успокоившихся было Якутовъ. Пришельцы вскорѣ приплыли обратно, но приведя съ собой новыхъ товарищѣй; на ихъ лодкахъ и плотахъ было много провизіи и лѣсного матеріала. Въ одну ночь, гласить преданіе, неизвѣстные люди выстроили деревянную крѣпость и заперлись въ ней со всѣмъ своимъ имуществомъ. На утро Тыгинъ ужаснулся, увидавъ передъ своими шатрами выросшее чудо, и пошелъ со своими рабами осматривать работу пришельцевъ. Близко подойти однако побоялись. Въ это время изъ стѣнъ этой крѣпости раздался огненный громъ; то былъ залпъ изъ пищалей холостыми зарядами. Оглушенные и ошеломленные вскорѣ пришли въ себя и, смѣясь безвредности пущенной въ нихъ молніи, отвѣчали своими стрѣлами изъ луковъ, но затворившіеся въ крѣпости еще болѣе смѣялись безвредности ихъ оружія. Якуты подошли къ крѣпости ближе и казались болѣе смѣлыми. Тогда раздался новый огненный громъ; произведенъ былъ залпъ изъ ружей, но уже заряженныхъ пулями и картечью. Много Якутовъ поплатилось жизнью; былъ раненъ и самъ Тыгинъ; въ злобѣ и раздраженіи, въ сознаніи собственнаго безсилія, нанесъ онъ себѣ смертельную рану копьемъ, и тутъ же умеръ. Якуты, видя смерть своего грознаго повелителя, а съ нею и свою полную беззащитность, въ ужасѣ разбрѣжались. Побѣдители, то были Русскіе, потребовали отъ побѣжденныхъ платежа ясака, а для опредѣленія его размѣра растянули черезъ озеро Сайсары свой пресловутый ремень, приказавъ увѣсить его шкурками дорогихъ пушныхъ звѣрей. Эта мѣра была установлена для взноса ясака и на будущее время.

Остатки этой крѣпости существуютъ и теперь. По уцѣлѣвшей юго-восточной стѣнѣ этой крѣпости на пространствѣ 83 саженей и отдалено стоящей еще и теперь башнѣ съ западной стороны можно предположить, что крѣпость построена была квадратомъ, при чмъ каждая сторона равнялась приблизительно ста саженямъ. По угламъ стояли трехъэтажныя башни (съ балконами), крытыя на 4 ската, и соединялись между собой двухъэтажными коридорами, перегороженными поперекъ капитальными стѣнами. Черезъ каждыя 6 саженей были другія башни, ниже угловыхъ. Стѣны коридоровъ были выстотой въ $9\frac{1}{2}$ арш. и шириной въ $4\frac{1}{2}$ арш.; верхній этажъ былъ шире нижняго и выступалъ навѣсомъ въ сторону двора, опираясь на выпущенные балки. Ворота въ наружной стѣнѣ были шириной въ $3\frac{1}{2}$ саж. и запирались изнутри нѣсколькими толстыми засовами; маленькая дверь въ той-же стѣнѣ, вѣроятно, служила для вылазокъ. Въ сторону поля стѣны имѣютъ нѣсколько маленькихъ отверстій, повидимому, для ружейной стрѣльбы, но отверстія эти сдѣланы на столько низко отъ полу, что нужно думать, что Русскіе стрѣляли лежа. Крыша надъ коридорами была въ два ската. Оставшаяся въ цѣлости башня, повидимому, имѣла особое парадное назначеніе—или въ ней помѣщалась часовня, или главная квартира; балконъ и дверные косяки этой башни украшены рѣзьбой; общая-же работа отличается изяществомъ отдалки. Остатки этой крѣпости были-бы болѣе значительными, если-бы жители не растаскивали лѣсь на свои постройки и даже на топливо. Цѣлый домъ Якутскаго городского общественнаго собранія выстроенъ изъ матерьяла отъ разобранной для того стѣны. Выстроено это собраніе что-то давно, если вѣрить, лѣть 40 назадъ, но домъ стоитъ незыблемо, лучше домовъ позднѣйшей постройки изъ новаго лѣсу. Бревна этой крѣпости на столько крѣпки, что ихъ не береть хороший топоръ.

Со смертію Тыгына, этого безсмертнаго героя якутскаго эпоса, Якуты не въ силахъ уже были бороться съ своими новыми завоевателями. Родъ за родъ, несли они свой ясакъ повелителямъ; одни съ покорностію подчинялись имъ, другіе—съ послѣдними вспышками уставшаго сопротивленія, а треты—съ угасающимъ стремленіемъ къ пастушеской независимости оставили и эти едва насиженныя мѣста и разсѣялись по незнакомой землѣ вѣрообразно на западъ—къ рѣкѣ Виллю, на с. внизъ по теченію Лены, на с.-в.—къ Верхоянскому хребту и, наконецъ, на в.—по р. Алдану. Здѣсь Якуты встрѣтили слабое населеніе, которое не въ силахъ было противостоять напору ихъ движенія и въ свою очередь должно было отступить къ болѣе непривѣтливому сѣверу. Этими отступившими племенами были Тунгусы, Юкагиры и Чуванцы. Якуты упорно отрицаютъ существованіе народа подъ названіемъ Омокъ или Омукъ. Они говорятъ, что этимъ именемъ Якуты звали и зовутъ вся-

каго не только не-Якута, но и Якута другого улуса или наслега. Во всякомъ случаѣ, были-ли Омуки особое совершенно исчезнувшее племя, или название это обозначало собирательное понятіе о Тунгусахъ, Юкагирахъ и Чуванцахъ, тѣмъ не менѣе они, уступивъ свои мѣста вновь пришедшемъ искателямъ независимости, сами направились къ сѣверу и здѣсь натолкнулись на болѣе свирѣпыхъ враговъ, чѣмъ были для нихъ Якуты—на храбрыхъ до самоотверженія Чукчей—этихъ коренныхъ съ незапамятныхъ временъ обитателей сѣверо-восточной тундры до береговъ Берингова пролива.

Якуты, пришедши къ верховьямъ р. Яны, вытѣснивъ отсюда мѣстныхъ жителей, нашли громадныя луговыя пространства, которыя представляли широкую возможность выбора мѣстъ, а потому, распредѣлившиесь родами, гдѣ кому показалось удобнѣе, зажили по старому, надѣясь, что Русскіе не зайдутъ сюда и не лишать ихъ вожделѣнной свободы. Но стремленію казаковъ къ занятію земель подъ скипетръ Великаго Государя, казалось, не было предѣла, и казачій десятникъ Елисей Буза съ горстью отважныхъ товарищѣй спустился внизъ по Ленѣ, прошелъ морскимъ берегомъ до устья Яны и поднялся на лодкахъ къ ея верховьямъ и здѣсь неизбѣжно встрѣтился съ новопоселившимися Якутами. Потребовавши съ нихъ небольшой дани, онъ обложилъ ясакомъ и заложилъ острогъ на р. Дулгалахъ, въ 100 верстахъ отъ Верхоянска. Слѣды этого острога видны и теперь. Съ приходомъ Бузы Якуты ждали своего послѣдняго часа, но ласковое его обращеніе оставило и до послѣдняго времени въ Якутахъ благодарное къ покорителю воспоминаніе. Впослѣдствіи, въ которомъ году неизвѣстно, Верхоянскій острогъ съ Дулгалаха былъ перенесенъ на другое, болѣе удобное мѣсто, на Боронукъ, на лѣвый берегъ Яны, въ шести верстахъ отъ нынѣшняго Верхоянска и подъ именемъ Верхоянского зимовья приписанъ былъ къ Зашиберскому коммиссарству. Зимовъемъ онъ былъ названъ потому, что только зимой прїѣзжали сюда коммиссаръ за получениемъ ясака и Якуты для взноса его; лѣтомъ острогъ этотъ оставался пустымъ и игралъ роль станціи по тракту изъ Якутска въ Зашиберскъ. Въ 1775 г. Верхоянскій острогъ приписанъ былъ къ Якутской провинціи. Для упроченія распространявшагося православія предполагалось построить церковь, и два богатыхъ ново-крещеныхъ Якута пожертвовали на постройку деньги; осталось только выбрать соотвѣтствующее для того мѣсто, но жертвователи препирались относительно мѣста: одному хотѣлось имѣть церковь въ Боронукѣ, а другому ближе къ своему жительству. Послѣ многихъ лѣтъ спора, церковь была построена по выбору второго жертвователя и освящена во имя Благовѣщенія въ 1817 году. Около нея построились дома для причта; сюда-же переселились нѣсколько семей богатыхъ Якутовъ, а съ ними и два—три торговца. Жители Боронука затруднялись, вслѣдствіе неудобнаго сообщенія,ѣздить часто

въ церковь и къ купцамъ, а жившіе около церкви постоянно имѣли нужду бывать въ Боронукѣ, гдѣ оставалось мѣстное управлѣніе; вслѣдствіе этого въ 1822 г. острогъ былъ перенесенъ къ самой церкви, и мѣсто это получило название города Верхоянска, причемъ для управлѣнія окружомъ его назначенъ былъ исправникъ. Значеніе Боронука упало сразу и, вѣроятно, безвозвратно; но сдѣлали и до сихъ поръ не приходится сожалѣть о немъ, какъ о мѣстѣ болѣе высокомъ на берегу р. Яны и представляющемъ несомнѣнное преимущество передъ ямой, въ которой расположены такъ называемый городъ, то есть два—три десятка разбросанныхъ юртъ, съ озеромъ по срединѣ, заражающимъ воздухъ своимъ зловоніемъ и носящимъ мѣстное название—й къ-баягаль—«море мочи»!

О судьбѣ виллюйскихъ и алданскихъ Якутовъ мнѣ лично не пришлось слышать мѣстныхъ преданій.

III.

Устройство жилищъ—зимнихъ и лѣтнихъ. Пища. Угощенія. Посуда. Одежда и оружіе.
Экипажи и сбруя.

Во всей Якутской области, въ мѣстахъ поселенія Якутовъ не найти ничего похожаго на русскія деревни или хотя бы бурятскія; юрты одна отъ другой на версты, десятки и даже сотни верстъ, и нѣсколько отличаются въ этомъ отношеніи только тѣ наслеги, гдѣ построены церкви и инородческія управы. Около этихъ зданій группируется до десятка юртъ, и въ нихъ проживаютъ несущіе какую-либо службу при церкви и управѣ: трапезникъ, сторожа, писаря и пр.; но и тутъ не соблюдается порядка построекъ: всякий ставить свою юрту, гдѣ ему удобнѣе, не заботясь объ улицѣ. Внѣшній видъ жилищъ не измѣняется ни отъ какого сосѣдства, кроме жилищъ богачей, строящихъ свои дома на манеръ русскихъ. Лѣтники и зимники ничѣмъ между собой не разнятся. Зимникъ, какъ сказано, строится въ мѣстахъ луговыхъ, по преимуществу на островахъ. Для построекъ выбирается площадь не болѣе 20-ти кв. саж., обносится городьбой съ воротами съ восточной стороны; отъ воротъ на 10 саж. внутрь двора ставится юрта, тоже съ дверью на востокъ. Средняя величина площади юрты не болѣе $3\frac{1}{2}$ кв. саж. Юрта строится слѣдующимъ образомъ: на аршинъ глубины вкапываются наклонно внутрь четыре краеугольныхъ столба, которые соединяются между собой поперечными балками; стѣны ставить стоймъ изъ такихъ же бревенъ, прислоняя ихъ къ поперечнымъ; съ южной и сѣверной стороны ставятъ еще по одному столбу,

выше краеугольныхъ; на нихъ кладется средняя матица и отъ этой послѣдней къ В. и З. идетъ на два ската настланная крыша. На строевой материаль употребляется преимущественно лиственница. Въ стѣнахъ прорубаютъ до 8 оконъ, каждое въ 2 или 3 кв. четверти. Сверхъ настланнаго бревенчатаго потолка стелютъ сѣно, мохъ, кору и засыпаютъ землей, толщиной въ четверть; стѣны обмазываются глиной, а потомъ сырымъ коровьимъ пометомъ; снаружи вокругъ стѣнъ юрты богатые устраиваютъ завалины, набитыя землей, а бѣдные обходятся и безъ нихъ. Въ окна вставляютъ зимой льдины. Посреди юрты, болѣе къ сѣв. сторонѣ, устраивается каминъ съ прямой трубой въ крышу, устьемъ къ западу. Основаніе для камина дѣлается изъ глины, набитой въ квадратный ящикъ; стѣнки камина дѣлаются изъ стоячихъ кольевъ, проходящихъ въ крышу, которые тоже обмазываются глиной. Каминъ съ западной стороны непремѣнно имѣеть отъ потолка навѣсъ, что называется чарачи; къ этому навѣсу придѣливается полка для кухонной посуды, для сушки рукавицъ, шапки и пр. Недалеко отъ этой полки подвѣшивается къ потолку, передъ каминомъ, деревянная рѣшетка для просушки платья; рѣшетка эта называется далбѣрь; на ней оттаиваются также убитую дичь, тутъ-же хранится оружіе, кромѣ ножа и огнива, съ которыми Якуты никогда не разлучны. Вдоль южной стѣны юрты у богатыхъ дѣлается глухой оронъ (т. е. нара), раздѣляющійся на три отдѣленія: ближайшее къ двери солана-оронъ предназначается для посѣтителей, не пользующихсяуваженіемъ, второй—ортого-оронъ для посѣтителей средняго почета и третій—унгагоронъ для гостей почетныхъ. По западной сторонѣ идетъ тоже оронъ съ двумя отдѣленіями, отгороженными глухими стѣнками отъ смежныхъ. Юго-зап. оронъ называется биллирикъ: онъ служить спальней для дѣвицъ семейства. Устраивается онъ нѣсколько иначе; онъ отгораживается на глухо отъ сосѣднихъ и завѣшивается во время сна ситцевой или шелковой занавѣской; столбы этого биллирика раскрашиваются разными красками, а занавѣска расшивается бисеромъ. Надъ биллирикомъ снаружи устраивается—холлорукъ—полка съ образами, которые ставятся въ рядъ, и передъ каждымъ образомъ свѣчка, зажигаемая въ праздникъ или прїездѣ почетнаго гостя. На юго-зап. колоннѣ виситъ численникъ-календарь, или, какъ они называютъ, табыльникъ, святца, а чаще кюнь-агагаръ. О различныхъ формахъ этихъ календарей мной упоминается особо. Календари эти весьма распространены, пользуются особымъуваженіемъ и потому висятъ около иконъ. Надъ биллирикомъ-же втыкаются перья вновь прилетѣвшихъ изъ теплыхъ странъ птицъ, а также кости вновь упромышленныхъ животныхъ. Этимъ Якуты желаютъ выразить радостное привѣтствіе дорогимъ гостямъ, посѣтившимъ ихъ мѣста; мнѣ-же кажется, что это обыкновеніе свидѣтельствуетъ объ отживвшемъ древ-

немъ обычаѣ посвашенія языческимъ богамъ первой упромышленной добычи. Рядомъ съ этимъ орономъ, по западной-же сторонѣ, пдеть къ с.-з. еще оронъ, называемый кятя гаринь-оронъ; здѣсь обыкновенно помѣщаются сами хозяева; этотъ оронъ приходится противъ устья камина. На сѣверной сторонѣ противъ унга-орона бываетъ небольшой, отгороженный досками чуланъ—югахъ, гдѣ хозяева въ сундукахъ или шкафахъ помѣщаютъ свое платье, лучшее свое имущество. Рядомъ съ этимъ чуланомъ идутъ еще ороны—хангасъ-оронъ, на которыхъ обыкновенно помѣщаются дѣти и куда переходятъ спать дѣвушки, если въ юртѣ ночуютъ посторонніе. Въ сѣв.-вост. углу дѣлается обыкновенно дверь въ хотонъ. Въ ю.-з. углу, подъ образами, ставится столъ и вокругъ него табуреты—олохъ-масъ. Деревянные полы встрѣ чаются только у богатыхъ; у бѣдныхъ полъ въ юртѣ изъ набитой глины. Хотонъ (хлѣвъ) имѣть ту-же форму, какъ и юрта, нѣсколько удлиненную, и также обмазывается кругомъ для теплоты. У Якутовъ небольшого достатка скотъ проходитъ въ хотонъ чрезъ жилую юрту; телята содержатся въ самой юртѣ, за каминомъ, въ с.-в. углу. У богатыхъ Якутовъ хотонъ строится или отдельно, или смежно съ юртой, но имѣть особый входъ со двора; въ такомъ хотонѣ ставится каминъ и опредѣляется особый скотникъ, наблюдающій, чтобы скотъ не давилъ телять, не путался, вообще не портился. Бѣдные не имѣютъ возможности устраивать хотона отдельно, не въ силахъ заготовлять для него дровъ; живя-же въ помѣщеніи, отдѣляющемся отъ хотона только стѣной съ пролетомъ для двери, они имѣютъ выгоду пользоваться общимъ тепломъ и, заслушавъ шумъ, всегда могутъ предупредить несчастную случайность. Слабосиліе, недостатокъ физическихъ силъ въ борьбѣ съ природой, бѣдность, страшная стужа, юрта изъ плохого лѣсу, холодная зимой и сырая лѣтомъ, трудность добыванія топлива—всѣ эти причины побуждаютъ экономить тепло на сколько возможно, пользоваться имъ нераздѣльно со своимъ скотомъ, взаимно согрѣваясь общимъ дыханіемъ. Шерсть на скотѣ мокнетъ, паршивѣеть, а люди болѣютъ глазами, грудью, разстройствомъ пищеваренія, покрываются сыпями. Навозъ изъ хотона выбрасывается черезъ окно, отчего вокругъ жилья образуются цѣлыя горы, которые остаются тутъ-же; съ течениемъ времени юрта вростаетъ въ гнойную лощину, испускающую всякия зловонія.

Неподалеку отъ юрты строится хоспохъ—подполье съ крышей для сбереженія провизіи. Въ сѣв. части области вмѣсто хоспоха строится передъ входомъ въ юрту особый коридоръ съ чуланами по сторонамъ, о чмъ буду говорить подробнѣе. Къ усадьбѣ Якута принадлежитъ амбаръ, при постройкѣ котораго бревна связываются срубомъ въ замокъ, съ плоской крышей; название и способъ постройки цѣликомъ заимствованы отъ Русскихъ; сюда складываютъ запасы одежды и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей. Для лошадей строится

особый навѣсъ—хасса. Слово хасса обыкновенно читается *haha*, т. е. по правилу языка два *c* читаются, какъ *h*. Хозяйственные постройки бѣднаго Якута ограничиваются юртой съ пролетной дверью въ хотонъ, въ которомъ стоять корова и бычекъ, и только съ приобрѣтеніемъ достатка расширяется домохозяйство: появляется на дворѣ лошадь подъ навѣсомъ, подполье, амбарчикъ и пр.

Якутскій инородецъ, какъ скоро пріобрѣтаетъ достатокъ, береть себѣ въ домъ работника и работницу, которые подъ присмотромъ хозяевъ исполняютъ домашнюю работу; хозяинъ наблюдаетъ только за исполненіемъ своихъ приказаний по хозяйству, самъ-же, насколько позволяютъ средства и время, пускается въ торговлю или поставки—излюбленное занятіе и мечта каждого изъ нихъ. Якутскій годъ распадается на двѣ половины—лѣтнюю и зимнюю, и наемъ рабочихъ бываетъ на тотъ-же срокъ. Лѣтній періодъ распадается на два: на уборку сѣна и хлѣба; работы этого періода, какъ болѣе трудныя, оплачиваются дороже; зимнія работы ограничиваются уходомъ за скотомъ, рубкою дровъ и возкою сѣна и объездами табуновъ. Смотря по зажиточности хозяина, работники или живутъ въ одной съ нимъ юртѣ, имѣя свой отдѣльный уголь—юго-восточный, гдѣ лежитъ какая-нибудь шкура для постели, или живутъ отдѣльно, въ особо отведенной юртѣ; впрочемъ, обѣ отношеніяхъ зажиточныхъ къ бѣднымъ, хозяевъ къ работникамъ я буду говорить подробнѣо въ особой главѣ.

Весной Якуты перебираются съ острововъ на болѣе высокія мѣста. Лѣтнія юрты хотя и меньше зимнихъ, но воздухъ въ нихъ чище; хотоны—типикъ строются по возможности отдѣльно; жилая помѣщенія обмазываются глиной безъ примѣса навоза; ледяные окна замѣняются рамой съ кусочками стекла или слюды, натянутой сухой брюшиной, кожей нельмы, или промасленной бумагой. Богатые, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ юрты, на востокѣ, ставятъ урасу: конусообразное основаніе (въ видѣ сахарной головы) изъ жердей заплется для крѣпости внизу въ три ряда сырымъ тальникомъ, что наз. курду, или съ молодой высокой лиственницы снимается кора, которую въ два ряда обкладывается нижняя часть урасы. Весь оставъ покрывается особо приготовленной берестой, состоящей изъ отдѣльныхъ кусковъ, варимыхъ въ горячей водѣ и смазанныхъ березовымъ варомъ; эти отдѣльные куски бываютъ 2-хъ аршинъ длины и въ аршинъ ширины, расшиваются разными узорами, украшеніями и прошивами изъ окрашенного конскаго волоса. Внутри урасы, какъ и въ юртѣ, идутъ вокругъ ороны съ подраздѣленіями для гостей и хозяевъ. По правой сторонѣ отъ входа тянутся полки съ лѣтней посудой: чороны, матарчахъ, сипмиръ, ыѣгасъ; общее название этой лѣтней посуды будетъ сыги-пентэ, такъ сказать лѣтній сервисъ. Вместо камина ставится только очагъ, т. е. четыреугольный ящикъ, набитый глиной. Помѣщеніе, куда загоняется конный скотъ для удоя, называется титикъ, о которомъ я упомянулъ выше. Жеребятамъ,

какъ и телятамъ, чтобы не сосали своихъ матокъ, постоянно подвязываются къ мордѣ двѣ дощечки, по бокамъ морды, съ зубчатыми концами—юре; траву щипать это юре не мѣшаетъ. Городьба вокругъ юрты и для скота бываетъ троекая: 1) сюллюгэсъ-кюре или ють-кюре—когда вкапываются столбы съ вырубленными отверстіями для поперечныхъ въ три ряда жердей; 2) тогосо-кюре, когда вмѣсто столбовъ вбиваются въ землю колья парами, перевязанными въ трехъ мѣстахъ, куда и вкладываются жерди, и 3) батулукюре—изъ кольевъ, поставленныхъ парами крестообразно, на которые и кладутся поперечины.

Среди Якутовъ есть особый классъ неимущихъ людей; имя имъ въ якутскомъ округѣ—балыксы, а въ верхоянскомъ—итимджи. Слово балыксы происходитъ отъ слова балыкъ—рыба. Люди эти питаются исключительно мелкой рыбой, которую ловятъ въ озерахъ, построивъ на берегу жалкую лачужку; у него нѣтъ никакого хозяйства; ему ничего не надо для приправы этой рыбы; зола, въ которой онъ хранить рыбу, замѣняетъ ему соль; брускина дополняетъ необходимую для организма кислоту. Зимой, за толщиной льда и морозами, уловъ прекращается, и балыксы садится за плетеніе сѣтей и мордѣ изъ тальника и Ѳсть заготовленный запасъ гнилой, протухшой рыбы, варя ее въ водѣ вмѣстѣ съ брускиной, и такъ живеть до половины марта. Затѣмъ дни становятся теплѣе, телячья одежда можетъ бороться съ холодомъ довольно продолжительное время; тогда онъ береть пешню, долбить ею толстый ледъ, спускаетъ подъ него свою небольшую сѣтку—куюръ, держитъ ее нѣсколько минутъ и вылавливаетъ свѣжую мундышку; день такой ловли, и набирается на дневное пропитаніе семьи. Воздухъ становится теплѣе, и безъ особенного риска бѣжитъ балыксы въ лѣсъ съ салазками за топливомъ. Нѣтъ теперь ему необходимости Ѳсть въ проголодь гнилую рыбу; скоро прилетять утки, рыба начнетъ метать икру, и уловъ будетъ обильнѣе; утки станутъ нести яйца—лакомое кушанье. Промыселъ на утокъ поправить силы бѣдняка и дасть возможность вымѣнять топоръ и пешню. Розовые мечты, за предѣлы которыхъ не парить фантазія балыксы—завести себѣ корову, чтобы было дѣтямъ молоко, да за одно, чтобы можно было привезти на ней изъ лѣсу топливо. Вся утварь юрты балыксы заключается изъ двухъ, трехъ горшковъ, большой самодѣльной изъ дерева чашки, ковша—хомыяхъ и рыболовныхъ снарядовъ. Ёдять они, садясь вокругъ чашки, черпая изъ нея по очереди. Плодовитостю такія семьи отличаются необыкновенно; въ трехъ, четырехъ юртахъ приходилось насчитывать по 4, 5 и даже 7 дѣтей въ каждой. Балыксы замѣтно отличается отъ прочихъ Якутовъ отекшимъ лицомъ и опухлостію тѣла, скромностію, граничащей съ угнетенностью, но отупѣнія, кретинизма не замѣтно.

Зажиточный Якутъ обзаводится фаянсовой чайной посудой, а богатый не-

премѣни и серебряными вещами, въ особенности вызолоченными бокалами и подстаканниками, подаваемыми въ торжественные случаи. Русская печь встрѣчается рѣдко и только южнѣе Якутска; инородцы не могутъ привыкнуть къ ней: имъ нуженъ каминъ съ его постоянной тягой для обмѣна воздуха, — иначе имъ душно и у нихъ болитъ голова. Только въ домахъ и избахъ русскихъ устроены печи. Чистота соблюдается не во всемъ и не у всѣхъ; посуда никогда не моется; зажиточные могутъ приказать вытереть или вылизать ее; инородцы также не моютъ своего тѣла, исключая рукъ и лица, рубахи не мѣняютъ, пока она не свалится съ плечъ отъ ветхости, и тогда надѣвается другая изъ синей дабы или темной сардинки. Исключеніе, какъ и во всемъ, для богатыхъ, которые все-таки мыться не любятъ, и баня у Якутовъ не известна.

Потребности обездоленныхъ скучной природой Якутовъ ограничены до послѣдней возможности; болтушка изъ сосновой заболони иногда единственная пища бѣдняка. Конечно, богатые Ѳдятъ вареное конское и коровье мясо (безъ соли), рыбу, пить чай «съ кускомъ», т. е. съ ячменной лепешкой, затертой на водѣ, молокѣ и поджаренной на рожнѣ, пить водку (никогда регулярно, напр. передъ обѣдомъ и ужиномъ), курять сколько хотятъ и пр., а бѣдные подбираютъ кости, обглоданныя собаками, и заглушаютъ голодъ, затягиваясь до головокруженія стружками, сдобренными никотиномъ изъ трубки. Желудокъ Якута волчій: онъ можетъ не Ѳесть нѣсколько дней, а при избыткѣ пищи съѣдаетъ неимовѣрное количество. Я видѣлъ въ Верхоянскѣ Якута, съѣдавшаго заразъ до 20 ф. мяса; имѣя громадную семью, при всемъ стараніи заработать какъ можно болѣе, онъ всегда былъ подъ гнетомъ мучительного голода. Сосновую заболонь—бесь и зерновой хлѣбъ толкуть въ муку въ ступѣ—кели, сдѣланной изъ свѣжаго коровьяго помета, облитаго на морозѣ водой, отчего матеріалъ ступы принимаетъ видъ полированаго камня. При толченіи, стѣнки обиваются, матеріалъ ступки примѣшивается къ муку, окрашивая ее своимъ коричневымъ цвѣтомъ, что, однако, не смущаетъ голодный желудокъ: онъ варить все, что попадаетъ въ него. Я упомянулъ выше, что у инородцевъ не принято мыть посуду. Мыть посуду грѣшно: ырастъ иситьахъ ыэль джоллохъ болбать день сясяргильляря эселлярбить, т. е. кто имѣть чистую посуду, тотъ счастливъ не бываетъ; худо бываетъ, когда смоешь свое счастье, говорили дѣды въ старину, и за ними повторяютъ и внуки въ наше время.

Во всей жизненной обстановкѣ Якута замѣчается однообразіе; не служить исключениемъ изъ него и пища; кромѣ того, что она готовится безъ всякихъ приправъ, одна и та-же пища повторяется изо дня въ день всю жизнь: что Ѳдятъ въ праздники, то-же самое и въ будни. Вообще пища малопита-

тельна и безвкусна, за исключениемъ конского, коровьяго, оленьяго мяса и дичи. Пища состоятельный болѣе разнообразна. Только въ дни необычайной крайности инородецъ не пьетъ чаю. Употребляется чай обыкновенно кирпичный, не менѣе трехъ разъ въ день; пьютъ его съ молокомъ, если оно есть, а съ сахаромъ только богатые и въ торжественныхъ случаяхъ. Общее употребление чаю объясняется легкостю его приготовленія и доступностю въ цѣнѣ; для бѣдняковъ, при отсутствіи горячей пищи, при жестокихъ морозахъ, чай—сущее благодѣяніе. Бѣдняки, т. е. большинство, пьютъ чай только по названію. Кирпичный чай наркотическихъ свойствъ имѣеть очень мало, и завариваются его въ такомъ незначительномъ количествѣ, что на долю одного человѣка приходится не болѣе 2-хъ кирпичей въ годъ, каждый кирпичъ вѣсомъ до $2\frac{1}{2}$ ф. Варять чай, кто въ мѣдномъ чайникѣ, а кто и въ горшкѣ; получается невкусная жидкость, которую пьютъ въ огромномъ количествѣ, отчего животъ переполняется и получается нѣкоторое ощущеніе сытости. Необходимый для Русскаго хлѣбъ замѣняется у Якутовъ таромъ. Заготовленіе и цѣна тара обусловливаетъ существованіе Якута. Таръ приготавляется изъ снятаго варенаго молока, обратившагося въ простоквашу, которое сливаютъ въ ушаты, вмѣщающіе до 20 пудовъ. Ушаты помѣщаются въ подпольяхъ, а чаще въ амбарахъ. Здѣсь молоко киснетъ въ теченіе всего лѣта и пріобрѣтаетъ остроту. Всякій Якутъ, имѣющій одну или двѣ коровы, старается скопить какъ можно больше тара; нескопившій остается на зиму безъ пищи. Одна корова даетъ до 12 пудовъ тара въ лѣто, чтѣ оцѣниваютъ въ 7 рублей. Съ наступленіемъ морозовъ насыпаютъ кучу снѣга въ видѣ полушарія, облагаютъ его свѣжимъ коровьимъ пометомъ и, когда онъ замерзнетъ, то, повернувъ, получаютъ большую чашу, которую обливаютъ водой, наводятъ глазурь (подобно ступкѣ), и въ эту-то чашку сливаютъ жидкой тарь изъ ушатовъ. Когда тарь станетъ замерзать, то въ него нѣсколько наклонно опускаютъ большую палку, посредствомъ которой потомъ выворачиваютъ его изъ посудины, когда онъ совершенно замерзнетъ; въ такихъ кускахъ замороженный тарь и хранится, а когда нужно, отбиваются отъ него необходимую часть. Бѣдняки бросаютъ въ тарь кости лошадиныхъ, коровьи, рыбьи, обѣдки, дикій щавель, рубленую и вареную сосновую заболонь. Пролежавшія въ кислотѣ кости превращаются въ мягкий хрящъ. Бывали случаи, что Якуты бросали въ этотъ тарь и желтые листья капусты, выброшенные Русскими за ненадобностю, но Якуты не одобрили, когда одна усердная хозяйка бросила туда и картофельную ботву. Вообще Якуты не признаютъ за сѣдомое картофель и другія овощи русской кухни. Лучшимъ таромъ считается совершенно бѣлый, безъ всякихъ примѣсей. Изъ этого тара приготавляется каша; на одного человѣка берутъ фунтъ или два тара, бѣдные разбавляютъ его тремя или четырьмя фунтами воды (или воды

съ молокомъ), а богатые неснятые молокомъ съ прибавкою сливокъ; подмѣшиваются отъ $\frac{1}{4}$ до 1 фунта ячменной муки; все это взбалтывается въ горшкѣ, варится, и получается кушанье—каша. Если въ тарѣ вместо хлѣбной муки подмѣшать вареной сосновой заболони, нарубленной въ лашу, тогда получится такъ наз. юэрэ. Подмѣшиваются также въ тарѣ мелко истолченный, высушенный корень болотнаго растенія уньюла; корень этого растенія собираютъ въ маѣ и іюнѣ со дна озеръ. Столовая ложка этого корня на 5 ф. разбавленнаго тара сгущаетъ эту жидкость на столько, что образуетъ кисель съ сладковатымъ крахмалистымъ вкусомъ; корень этотъ, положенный въ большемъ количествѣ, возбуждаетъ рвоту. Ясно, что сдабриваніе разбавленнаго водой тара этимъ корнемъ производится съ цѣлью обмануть желудокъ, требующій густой питательной пищи. Однимъ изъ любимыхъ якутскихъ кушаний почитается саламать, т. е. каша изъ муки, заваренной густо на молокѣ или водѣ; мука размѣшивается и сваренное обливается топленымъ масломъ. Лучшій саламать, подаваемый на свадьбахъ и трудно больнымъ, приготовляется на сковородѣ; наливаютъ сливокъ, подмѣшиваютъ муки и, постоянно размѣшивая, поджариваютъ на небольшомъ огнѣ. Конское мясо слишкомъ дорого для бѣдняка, и составляетъ рѣдкое лакомство. Вообще Якуты їдятъ мясо вареное и никогда жареное; наваръ отъ мяса їдятъ неохотно. Плавающій въ наварѣ жиръ снимаютъ и въ него макаютъ куски мяса, которое їдятъ руками. Остальной наваръ отдаютъ работникамъ. Бѣднякамъ рѣдко достается їсть мясо и чаще лѣтомъ, когда больше возможности упромыслить дичь. Хотя мясо разрѣзается на столѣ, но Якуть, взявъ отдѣльный кусокъ въ ротъ, отрѣзаетъ отъ него ножемъ у самыхъ губъ и всегда такъ ловко, что никогда не обрѣжется своимъ острымъ ножемъ. Возвращусь еще къ кашамъ. Если въ разбавленный тарѣ кладется заболонь въ порошкѣ, то получается бутугасъ. Так же къ вареному коровьему молоку подбавляютъ тарѣ или хлѣбную корку и оставляютъ киснуть; комки разбиваются особымъ снарядомъ—мутовкой; къ такому кушанью добавляютъ сливокъ, и получается якутское гастрономическое угощеніе—сора. Їдять очень охотно мерзлую рыбу, обыкновенно большую, преимущественно стерлядь, чирь, снявъ кожу съ которой строгаютъ и получается струганина; изъ морской рыбы, еще не проголодавшейся въ рѣкѣ, струганина очень вкусная и пріятно освѣжающая пища. Замороженная печень налима и мороженные мозги изъ костей млекопитающихъ, въ особенности оленя, составляютъ лакомое кушанье. Коровье мясо дороже конского и потому употребляется только зажиточными. Кровь, смѣшанная съ молокомъ, налитая въ кишкѣ, даетъ колбасу—ханъ, любимую Якутами. Всѣ части рогатой скотины, конины и рыбы поѣдаются съ удовольствіемъ, какъ въ сыромъ, такъ и въ вареномъ видѣ; кости, мозги костей, копыта обгладываются съ наслажденіемъ, но никогда даже вѣчно

голодный бѣднякъ не рѣшится съѣсть головной мозгъ животнаго—с оратъ-
м я и. Въ посты религіозные Якуты изъ зажиточныхъ ъдятъ обыкновенно рыбу,
преимущественно карасей, привозимыхъ изъ вилуйскаго округа, линей—мун-
дышку. Припомнить о балыкахъ, которые въ теченіе всего теплого времени
занимаются ловлей этой рыбы и складываютъ ее въ ушаты, а чаще прямо въ
ямы, гдѣ, слежавшись, она заквашивается и до того пріобрѣтастъ противный
гнилостный запахъ разложенія, что за нѣсколько верстъ можно опредѣлить
его; такимъ образомъ заквашенная рыба называется сымъ и въ нѣкоторыхъ
мѣстностяхъ колымскаго округа совершенно замѣняетъ тарь. Сымъ раздѣляется
на три сорта; изъ нихъ лыма считается лучшимъ. Варять эту рыбу, какъ
тарь, разбавляя водой съ примѣсью заболони и ягодъ. Запахъ этого кушанья
невыносимъ для непривычнаго обоянія, буквально, на нѣсколько верстъ. Пи-
танье сымой, а также прокишшей и сырой рыбой развиваетъ хроническое раз-
стройство желудка и почти поголовное страданіе солитеромъ, доводящимъ не-
счастныхъ до бѣшенства. Мнѣ приходилось слышать объясненіе громаднаго
процента сумасшествія жителей Якутской области страданіемъ отъ солитера.
При нѣкоторой настойчивости со стороны мѣстной администраціи можно было-
бы вывести вредный способъ гноенія рыбы въ ямахъ, введя копченіе и пра-
вильный засолъ, чтѣ потребуетъ отъ казны отпуска соли въ большемъ коли-
чество и продажи ея по удешевленной цѣнѣ. Кемпендейскіе ключи и залежи
соли близъ Вилуйска даютъ въ изобиліи прекрасную каменную соль. Копченіе
вводилось въ колымскомъ округѣ бывшимъ исправникомъ Кочаровскимъ. Слѣ-
дуетъ добавить, что ямы съ гноящейся рыбой едва прикрываются, какъ отъ
атмосферныхъ вліяній, такъ и отъ посѣщенія собакъ, не стѣсняющихся оста-
влять слѣды своихъ посѣщеній. Замороженные корни черноголовника (ымя—
sanguisorba alpina, Bunge) употребляются въ пищу подъ названіемъ быта.
Эти корни берутъ изъ норъ полевыхъ мышей, которыхъ запасаютъ ихъ на зиму;
въ одной норѣ находятъ ихъ до 7 фунтовъ; ъдятъ свареными въ молокѣ.
Замороженныя ягоды толокнянки (*arbutus uva ursi*) ъдятъ со сливками.
Кумысъ, кобылье молоко, заквашенное особымъ способомъ, нѣсколько пряное,
но не опьяняющее, любимое питье, доступное только богачамъ. Бѣдняки раз-
бавляютъ тарь водою и получается унданъ—напитокъ кисленькій, но не имѣю-
щій ни пряности, ни крѣости, свойственной кумысу. Сангаг¹⁾ приготовляется
изъ варенаго молока, разбавленаго ледовой водой; употребляется исключительно
для утоленія жажды. Большинство Якутовъ не ъесть свинины и куръ по
той простой причинѣ, что онѣ, копаясь въ навозѣ, становятся сами отъ того
нечистыми. За грѣхъ считаютъ ъесть аистовъ, зайцевъ и всякую болот-

¹⁾ Нг произносится вмѣстѣ, въ нось.

ную птицу. Мясо лебедя также есть нельзя; по поверью, лебедь былъ когда-то дѣвицей, которую злой духъ превратилъ въ птицу; доказательствомъ такого превращенія служитъ то, что лебедь имѣеть очищенія, оставляя въ началѣ каждого лунаго мѣсяца слѣды ихъ въ своемъ гнѣздѣ. Хлѣбъ Якуты очень любятъ, но по дороговизнѣ муки, въ особенности въ сѣверныхъ окрестахъ, пріобрѣтеніе ея является просто невозможнымъ; напр., въ колымскомъ округѣ пудъ казенной ржаной муки съ провозомъ обходится до 9 р. 50 к. Ближайшіе къ Якутску инородцы покупаютъ печенный хлѣбъ на базарѣ; сами же пекутъ лепешки, замѣшивая муку въ маслѣ и сметанѣ, безъ соли, что называется оладьи, кулумки. Изъ овощей їдять картофель, капусту, морковь, рѣпу, рѣдьку, горохъ и свеклу, но не у себя дома, а у Русскихъ; сами же овощей не разводятъ и не покупаютъ. Дикій лукъ—черемша употребляется въ заквашенномъ видѣ, въ очень большомъ количествѣ и называется кисломъ—хорошее предупреждающее средство противъ цынги. Бруснику Якуты їдять во множествѣ сырью, вареную съ таромъ, съ молокомъ и со сливками, какъ особенное лакомство. Грибовъ Якуты не їдять вовсе. Землянику и толокнянку (костянку) їдять съ молокомъ и со сливками, какъ лакомство. О пищѣ, употребляемой инородцами, мнѣ еще придется говорить нѣсколько разъ, передавая свои впечатлѣнія при разѣздахъ по области.

Какъ угощеніе, якутскіе инородцы подаютъ тѣ-же кушанья, какія можетъ приготовить хозяинъ по своему достатку. Кромѣ перечисленныхъ выше назову еще хаяхъ: на пудъ молока, разбавленнаго таромъ, вливается 5—10 ф. сливочнаго масла; все это тщательно размѣшивается и замораживается. Если-же въ молоко не добавлять тара, а масла положить меныше и не замораживать, то получится кушанье, называемое кеберъ. Лѣтомъ первымъ угощеніемъ считается кеерчахъ, приготовляемый изъ взбитыхъ сливокъ съ добавленіемъ мороженой брусники или толокнянки; сбиваются сливки особымъ снарядомъ, отъ котораго получило свое название и самое кушанье. Самымъ почетнымъ угощеніемъ считаются оладьи, обильно политыя масломъ, топленое масло, кумысъ съ плавающими кусочками топленаго масла, а самимъ высшимъ угощеніемъ — водка, безъ всякой закуски.

Необходимая посуда для каждой якутской семьи средней зажиточности слѣдующая: деревянная чашка — кытыя; тарелка деревянная, мѣдная луженая, оловянная или желѣзнная, какъ блюдо; большая деревянная чашка — кытахъ; большой деревянный кубокъ на ножкахъ — чоронъ, селляхъ-аяхъ, такой-же кубокъ безъ ножекъ — матарчахъ (чороны вырѣзаются изъ цѣлаго куска дерева до $1\frac{1}{2}$ арш. высоты; ножки вырѣзаются въ видѣ конскихъ копытъ; на такихъ-же ножкахъ ставятся столы и табуреты); берестяные ведра — сылгы-чабычага и кожаныя — ширин-исить, различной ве-

личины, для кумыса; мѣхъ кожаный для приготовленія кумыса — симиры; ложка изъ березового или лиственничного дерева — хамыахъ; плоскій ковшъ — холбуяръ — для сниманія сливокъ; горшки глиняные разной величины — кесь; деревянный ковшъ — хомость, котлы — солуръ, чайники мѣдные, желѣзные и глиняные. У болѣе зажиточныхъ встречаются чайные чашки, тарелки, ножи и вилки, самоваръ и др. посуда, употребляемая ими только при русскомъ гостѣ, или когда желаютъ щегольнуть своимъ умѣньемъ жить на русской манерѣ. Простая деревянная посуда вырѣзается Якутами дома; также есть мастера ковать желѣзную и мѣдную посуду; остальное все привозится въ область изъ европейской Россіи и продается по чрезвычайно высокой цѣнѣ.

Одежда Якутовъ-мужчинъ мало разнится отъ одежды Якутокъ, причемъ взрослые Якуты носятъ одежду того-же покрова, что дѣти и старики, а одежда женщинъ ничѣмъ не отличается отъ девичьей и той, которую носятъ старухи.

Лѣтняя одежда отличается отъ зимней только тѣмъ, что некоторые предметы шьются безъ мѣха, тогда какъ другія части ни въ какое время года не мѣняются, а потому при описаніи мужской и женской одежды будетъ указано, что мѣняется по времени года и что вовсе не мѣняется.

Мужская одежда.

Мужчины носятъ зимой и лѣтомъ этаѣрбасъ (въ Якутскѣ называются торбаза), обувь до колѣна, у бѣдныхъ изъ выдѣланной сыроятной коровьей кожи, у богатыхъ изъ оленьей или лосиной съ отворотами изъ плиса или сукна; у щиколотки торбаза стягиваются ремнемъ на пряжкѣ, всегда пришитой сзади, выше пятки. Лѣтомъ та-же обувь носится изъ выдѣланной, черненой, непромокаемой конской кожи, причемъ изъ цѣлой большой кожи вырѣзается отъ паховъ задней части полоска шириной не болѣе аршина, а длиной не болѣе 2-хъ аршинъ, изъ которой выходитъ одна пара обуви — сары. Сырая кожа по снятіи съ животнаго раздѣляется на двѣ: одна изъ нихъ съ шерстью идетъ на постилки — теллякъ, а нижняя часть, прилегающая къ мясу, идетъ на эти сары. Конскія сары, хорошо сшитыя, не пропускаютъ сырости, и лучшими считаются верхоянской выдѣлки. Бѣдняки, не имѣя возможности приобрѣсти сары, круглый годъ ходятъ въ коровыхъ торбазахъ, по большей части даже недымленыхъ. Если торбаза доходятъ выше колѣнъ, то называются кюрьмя. У такихъ кюрьмя съ наружныхъ сторонъ придѣзываются ремни къ поясу, чтобы не опускались.

Кятенчи, теплые чулки изъ оленьей шкуры, шерстью внутрь; они надѣваются сверхъ суконныхъ или шерстяныхъ чулокъ; сверхъ кятенчи нѣкогда

рые обертывают ноги еще заячьей шкуркой следующей формы: берется въ аршинъ длиной и четверть ширины заячій мѣхъ и складывается такъ, чтобы одинъ конецъ четверти на $1\frac{1}{2}$ былъ длиннѣе, сшивается только носокъ, куда вкладывается нога до подъема; длинный конецъ закрываетъ подошву, пятку и выше — такая обувь называется куллука.

Барки — нижніе штаны, широкіе, завязываются ремешкомъ на правомъ боку; шьются изъ синей дабы или другой плотной бумажной матеріи. Болѣе бѣдные, не имѣя барки, ходятъ круглый годъ въ штанахъ изъ телячей кожи. Настоящіе якутскіе штаны состоять изъ двухъ частей: нижніе — сутуро доходятъ до щиколотокъ, гдѣ завязываются плотно около ноги, сверхъ нихъ надѣваются другіе, идущіе отъ пояса до колѣнь, это — сэлья; они шьются съ поясомъ и застегиваются пуговицей спереди¹⁾. Сутуро и сэлья шьются изъ оленѣй или лосиной кожи, очень узко, почти въ обтяжку. Эта часть костюма общая у всѣхъ Якутовъ безъ различія пола и возраста; носятся въ торбаза.

Урбахы (рубаха) шьется изъ дабы, ситца, саршинки. Даба употребляется синяя, ситецъ — полосатый яркихъ цвѣтовъ, а саршинка темная въ клѣткахъ. Фасонъ сорочки: воротникъ отложной и у запястья обшлагъ съ отворотами обтягиваетъ руку на пуговицахъ; воротъ по преимуществу завязывается пестрыми тесемками; наплечья дѣлаются изъ другой матеріи и пришиваются другими нитками. Бѣдняки вовсе не имѣютъ рубахъ, нося круглый годъ куртку изъ телячей шкуры, пока не износится. Урбахы усвоено Якутами въ послѣднее время отъ Русскихъ.

Халтысь (русскій галстухъ) носять только богатые. Онъ свертывается изъ пестраго ситцеваго или шелковаго платка.

Шелечикъ (жилетъ) шьется изъ сукна, плиса и цвѣтной шелковой матеріи, двубортный, короткій, съ отложнымъ воротникомъ; пуговицы предпочтитаются металлическія, въ особенности офицерскія — съ царской птицей. Спинка дѣлается изъ краснаго ситцу или же изъ зеленой, голубой или пунцовой китайской матеріи.

Купайки (фуфайка), кафтанъ изъ сукна до колѣнь; идетъ на него 3 аршина; дѣлается онъ также изъ плиса или бумажной матеріи; зимой — на мѣху, чаще заячьемъ; называется также хомуссолъ — камзолъ; лѣтомъ — на легкой подкладкѣ, съ небольшимъ отложнымъ воротникомъ, однобортный; пуговицы на правомъ боку и металлическія; по бокамъ косые разрѣзы кармановъ; рукава на плечахъ съ высокими и широкими сборками, у кистей рукъ узки; составляетъ обыкновенный домашній костюмъ.

¹⁾ Миддендорфъ указываетъ, что дѣление штановъ на двѣ части практикуется и теперь у сѣверо-американцевъ, подъ мѣткимъ названіемъ leggin, и въ центральныхъ горахъ Европы — Beinhöse и Gasshöse.

Баччи — набрюшникъ, носится зимой и представляетъ собой поясъ шириной спереди до 5 вершковъ, дѣлается изъ какой-либо бумажной матеріи на заячье мѣху; концы сходятся спереди на ремняхъ съ пряжками.

Сонъ — шуба на лисьемъ, песцовомъ, бѣличьемъ, а чаще на заячье мѣху, ниже колѣнъ, покрывается сукномъ (4 арш.), шелковой матеріей, а чаще атласомъ; однобортная съ металлическими пуговицами, преимущественно серебряными съ узорами; съ косыми карманами, бобровымъ или лисьимъ воротникомъ; вообще покрой тотъ-же, что и купайки, только длиннѣе и шире, походить на длинный сюртукъ, у которого сзади три широкія складки и разрѣзъ, такъ что фалды при ходьбѣ сзади расходятся — очевидно приспособленъ для верховой Ѣзды. Рукава у плечъ буфами, а у кистей рукъ узки и безъ обшлаговъ. Лѣтніе и зимніе соны разнятся между собой подкладкой: у первыхъ — легкая цвѣтная, у вторыхъ — мѣховая. Якутъ средней зажиточности замѣняетъ бобровую отдельку тарбаганымъ мѣхомъ.

Супунъ (зипунъ) — верхняя одежда, длиннѣе купайки и короче сона; шьется изъ толстаго сукна бѣлаго или желтаго; носится инородцами средняго достатка, какъ верхняя одежда вместо сона, а богатыми поверхъ сона.

Сыгынъяхъ — такая-же шуба, какъ и сонъ или супунъ, только безъ складокъ сзади; шьется на мѣху изъ рысьихъ, волчьихъ или оленыхъ шкуръ, шерстью наружу. Рысій мѣхъ цѣнится Якутами очень дорого, а потому носится только щеголями изъ богатыхъ.

Кемюсь-куръ — поясъ, большою частію кожаный, иногда обтянутъ чернымъ плисомъ и унизанъ бляхами разныхъ рисунковъ. Для выдѣлки бляхъ скупаютъ старыя серебряные монеты, добавляя къ серебру свинецъ или мѣдь. Поясъ бываетъ шириной $2\frac{1}{2}$ верш. и вѣсомъ до $2\frac{1}{2}$ фунтовъ. Есть старинные пояса очень изящной работы, цѣною до ста рублей, передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе и составляютъ фамильную рѣдкость. Нѣкоторые носятъ пояса, приготовляемые въ Иркутскѣ изъ пекинского шелку; они бываютъ шириной до 16 вершковъ и длиной до $5\frac{1}{2}$ аршинъ. Цѣна такимъ поясамъ отъ 30—35 рублей.

Мойтурукъ (боа) носится кругомъ шеи и, когда намерзнетъ отъ дыханія около рта, тѣ передвигается, для чего и шьется круглымъ, безъ концовъ. Приготавливается обыкновенно изъ бѣличьихъ хвостовъ.

Биристянки — перчатки на мѣху до пальцевъ, стягиваются у запястья шнуркомъ, надѣваются въ дорогу подъ перчатки, или носятся при работахъ, когда пальцы должны быть свободны, напр. женщинами при домашней работѣ.

Ютилюкъ — рукавицы на мѣху изъ песцевыхъ, лисьихъ и заячихъ шкурокъ. Наружная часть тоже мѣховая и только внутреннія части ладоней

дѣлаются изъ ровдуги, плису или сукна. Чтобы не снимать рукавицы при работе, не потерять ея и не зазнобить рука, рукавица снимается только на половину, для чего съ внутренней стороны дѣлается разрѣзъ, въ который и просовывается рука, а рукавица остается висѣть на рука. Нарядные рукавицы расшиваются снаружи шелками, шьются изъ лапъ чернобурыхъ лисицъ, опушаются морскимъ бобромъ и стоять иногда свыше 30 рублей. Лѣтомъ употребляются рукавицы и перчатки изъ бѣлой и дымленой ровдуги, расшитыя шелками. Бѣдняки круглый годъ носятъ рукавицы изъ телячей кожи.

Сынгахъ-плата — платокъ, которымъ подвязываются уши,— ситцевый или шелковый, по степени зажиточности.

Набушка (наушники) — два лоскута, соединенные на головѣ тесьмой, подвязываются у подбородка; дѣлаются на мѣху, а старинные расшивались золотомъ и опушались, напримѣръ въ колымскомъ округѣ, морскимъ котикомъ.

Чомпой или хорохъ — высокая шапка, похожая на чепецъ съ высокой макушкой, съ наушниками. У богатыхъ верхъ чомпоя шьется изъ лапъ чернобурыхъ лисицъ и опушается бобромъ, завязывается у подбородка шелковыми лентами. Подкладка дѣлается большей частью изъ бѣличьяго мѣха. Такія шапки стоять до 80 рублей. Бѣдняки носятъ такія же шапки, но изъ какой-либо бумажной матеріи и на заячьемъ мѣху или-же изъ мятої конской кожи.

Хортусъ (картузъ) заимствованъ у казаковъ николаевскихъ временъ; это — суконная фуражка съ кожанымъ козырькомъ и даже проволочнымъ кружкомъ, чтобы дно сохраняло свою форму и не сгибалось. Къ окольшу сзади всегда пришивается петля-вѣшалка, называемая ыиръ-тимяхъ.

Кромѣ одежды есть вещи, съ которыми Якуты никогда не разстается, а именно:

Хамса, маленькая желѣзнай или мѣдная трубка съ деревяннымъ, изъ двухъ продольныхъ половинокъ, чубукомъ, перевязаннымъ тонкимъ ремешкомъ.

Сапъя — кисеть съ табакомъ, изъ кожи или цвѣтной матеріи, расшивается шелками, бисерами, носится на шнуркѣ за поясомъ.

Халабысъ — кошелекъ для денегъ; у бѣдныхъ дѣлается изъ монетки пороза (тасахъ).

Хататъ — огниво, похожее на бурятское, обдѣлывается въ кожу таѣ, что при немъ есть карманчикъ, куда кладется кремень и трутъ. Дорогое огниво украшается мѣдными или серебряными бляхами. Трутъ приготовляютъ Якуты изъ листовъ травы ыэ, похожей на лебеду; траву эту сушатъ и мнутъ, и ыэ одинаково хорошо тлѣть, какъ и нарости березы.

Кыннахъ-бысахъ — ножъ съ ножнами. Ножикъ съ рукояткой; правая сторона лезвія наточена подъ острымъ угломъ, а лѣвая — подъ прямымъ,

на подобіе рѣзака на нашемъ рубанѣ. Деревянныя ножы обтягиваются кожей, чаще съ коровьяго хвоста, украшаются и скрѣпляются мѣдными связками и снабжены кольцемъ, чтобы привѣшивать къ поясу; но обыкновенно ножикъ неизмѣнно носится за голенищемъ торбаза (см. Миддендорфъ: Коренные жители Сибири Якуты, стран. 778).

Юнгю — желѣзное копье на древкѣ аршина 2 съ небольшимъ; имъ колютъ оленей при переправѣ черезъ рѣку осенью.

Батасъ — огромный желѣзный ножъ, насаженный на толстое древко; употребляется при охотѣ на медвѣдя. Тотъ-же ножъ меньшаго размѣра называется батыя.

Бинтеппя-са — винтовка съ кремневымъ замкомъ; пули употребляются величиной въ крупную горошину. Самое употребительное оружіе Якута; съ нимъ онъ ходить и на птицу, и на звѣря.

Дюлюкъ-масъ — дубина, аршина въ полтора, съ большимъ набалдашникомъ, въ родѣ кистеня; этой дубиной охотники добиваютъ звѣря и рыбу. Въ юртѣ она виситъ около камина на вѣшалкѣ — одараяхъ.

Я не помню, видѣлъ-ли я инородца безъ кольца или перстня на рукѣ. Перстень непремѣнно именной, но въ большинствѣ случаевъ буквы вырѣзаны прямо, такъ что при отпечатаніи даютъ обратныя изображенія. Совершенно неграмотный Якутъ умѣеть иногда подписывать свою фамилію или прикладываетъ свою печать или перстень, покоптивъ его берестой, которую носить въ карманѣ. Золото Якуты цѣнять мало: въ ихъ глазахъ оно похоже на мѣдь и томпакъ; но серебро они любятъ, и всѣ ихъ металлическія драгоцѣнности дѣлаются ими изъ серебра, къ которому добавляютъ мѣдь или свинецъ.

Якуты средняго достатка замѣняютъ тонкое сукно на своеемъ платьѣ толстымъ, желтымъ или бѣлымъ, но никогда сѣрымъ, напоминающимъ имъ ненавистнаго поселенца.

Женская одежда:

Урбахы — такая же, какъ у мужчинъ, только длиннѣе.

Сэлья — штаны изъ ровдуги, дабы или другой матеріи, зимой на заячью мѣху; собираются у пояса на шнурокъ и завязываются на правомъ боку; достигаютъ половины верхней части ноги; спереди къ нимъ пришиваются два мѣдныхъ кольца (тербасъ) и къ этимъ-то кольцамъ подвязывается продолженіе ихъ, другіе штаны — сутуро.

Сутуро подвязывается къ сэлья ремнями — мэнэрькъ-кятечи; они тѣ-же, что у мужчинъ.

Куллукъ — такая же, какъ у мужчинъ.

Считается красивымъ и изящнымъ, если у женщины нога отъ ступни до колѣна толстая, а потому всѣ онѣ обертываютъ ноги на сколько можно толще, такъ что ноги кажутся какими-то тумбами, а маленькия ступни кажутся еще меньшими.

Баччи—набрюшникъ, какъ у мужчинъ.

Корсеть—кофта безъ рукавовъ, изъ сукна, шелковой или другой, по средствамъ, матеріи, двубортная, съ металлическими пуговицами, косыми карманами, длиной не доходитъ до колѣнъ.

Бобра-буктакъ—то-же верхнее платье, что у мужчинъ сонъ, только наряднѣе, кроется шелковой цвѣтной матеріей. Воротникъ и правая пола обшиваются бобромъ, шириной въ четверть; рядомъ съ опушкой идетъ въ четверть ширины полоска изъ алаго, краснаго или зеленаго сукна; у подола эта полоска въ $\frac{1}{2}$ арш. ширины и унизывается кругомъ серебряными коваными бляхами. Такая шуба стоитъ иногда до 700 рублей и переходитъ изъ рода въ родъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Люди меньшаго достатка не обшиваютъ мѣхомъ и серебромъ, ограничиваясь цвѣтной каймой.

Кемюсъ-куръ, шолко-куръ—серебряный или шелковый поясъ, какъ у мужчинъ, только наряднѣе; бляхи большаго размѣра, числомъ болѣе и тщательнѣе по отдѣлкѣ.

Кыльджы и бегехъ—серебряное массивное кольцо, надѣваемое на шею; отъ него по груди до пояса идетъ баҳрама—илинь-кя бисарь—изъ 20-ти серебряныхъ цѣпей; бегехъ—серебряные браслеты, въ родѣ манжетъ, шириной до 3-хъ вершковъ; такой-же рядъ цѣпей, спускающихся отъ шейнаго кольца по спинѣ, называется хабаргасимяга.

Сапанъ—брошка, большая серебряная четырехугольная запонка, застегивающая воротъ рубахи; такія-же маленькия застегиваются обшлага рукавовъ.

Ытарга—серебряные серьги съ подвѣсками, доходящими у щеголихъ до плечъ и обрывающими уши своею тяжестью.

Кемюсъ-бисилляхъ—перстень серебряный и рѣже золотой, съ именемъ.

Хапаръ—мѣшочекъ, вышитый шелкомъ, иногда серебромъ; въ немъ хранять наперстокъ, трубку, огниво; подвязывается къ поясу. Къ этому мѣшечку въ видѣ брелоковъ подвѣшиваются игольникъ—ин-ня лихъ съ иголками—иня, ножикъ—бысахъ въ ножнахъ—кынъ и ножницы—кыптый.

Сюряхъ—на шейной серебряной широкой цѣпи крестъ, украшенный подвѣсками. Крестъ висить на груди поверхъ одежды, похожъ наprotoiereyskii, съ украшеніями, стоимостю доходитъ до 30 рублей.

Бастъ-былата—шелковый цвѣтной головной платокъ, штофный, шитый серебромъ или парчевый, подвязывается какъ у мѣщанокъ.

Мой топоръ—боа.

Джабака-бергася—мѣховая высокая шапка, закрывающая уши; передняя часть обшивается россомахой или бѣличими хвостами, верхняя часть затылка—бобромъ, а затылокъ покрываетъ въ $1\frac{1}{4}$ арш. высоты и $1\frac{1}{2}$ арш. ширины лоскутъ изъ рысьаго мѣху. Верхняя часть шапки нѣчто въ родѣ кички—суконная черная со вставками алого сукна—съ бѣлыми кантами, называется чорчахъ; на ней спереди большая круглая металлическая бляха—то са хта, вѣсомъ до $1\frac{1}{4}$ ф. Шапку завязываютъ спереди подъ подбородкомъ полосками изъ алого сукна въ аршинъ длиной и въ $1\frac{1}{2}$ вершка ширины. Многія носятъ эти шапки и лѣтомъ; большая-же часть носятъ сѣрыя и черные поярковыя шляпы съ полями, надѣвая ихъ сверхъ цвѣтнаго головного платка. Одежда нарядной Якутки очень дорога, и въ парадныхъ костюмахъ ихъ можно видѣть очень рѣдко, въ особенно-торжественные случаи; костюмы эти переходятъ изъ рода въ родъ и составляютъ, кромѣ своей дѣйствительной стоимости, фамильное сокровище.

Дѣвушки заплетаютъ волосы въ одну косу и въ конецъ вплетаютъ ремешекъ съ цвѣтными лентами. Замужнія заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которая обертывая вокругъ головы, прикрѣпляютъ у темени, а затѣмъ покрываютъ платкомъ. Мужчины стригутъ голову гладко и только нѣкоторые оставляютъ волосы на вискахъ—кэгюль. Усы и бороду выщипываютъ всѣ инородцы области и перестаютъ это дѣлать только старики и пригородные, допускающіе уже нѣкоторыя новшества. Щипчики, которыми вырываютъ бороду и усы, называются искахъ.

Женщины и мужчины, безъ исключенія, ъздаютъ верхомъ помужски на тѣхъ-же сѣдлахъ съ одинаковою ловкостью и удалью.

Зимой Якуты ъздаютъ въ пошевняхъ, розвальняхъ, дровняхъ и только нѣкоторые въ саняхъ особаго мѣстнаго устройства. Сыэрга — есть общее название саней какого-бы то ни было устройства; такъ говорятъ: пошевни—сыэрга, бычы сани — огусть-сыэргата, лошадиные — атъ-сыэргата. Якутскія сани не имѣютъ козель; бока и спинка разрисовываются разными узорами и красками. Передъ саней называется—тумса, копылья — атага, полозья—сынгага, поперечныя скрѣпы — ылага, продольныя скрѣпы—быттыга, верхняя половина бычьяго хомута—боргалли, нижняя половина—сюрярь, оглобли—урагасъ, доски адарай. Лѣтнихъ экипажей у Якутовъ своихъ нѣтъ; одни ъздаютъ верхомъ, другіе на русскихъ телѣгахъ и телѣжкахъ.

Къ сбруѣ у Якутовъ принадлежитъ: недоуздокъ—суларь, узда—юнь, хомутъ, дуга, черезсѣдльникъ—сисъ-быэта, сѣделка—седелка, возжи—буосса; шлеи у Якутовъ нѣтъ; обѣ удобствѣ и красотѣ сбруи Якуты не

забочатся, а потому часто вещи эти примѣняются у нихъ далеко не практично и на видъ крайне некрасиво; напримѣръ, чтобы сдѣлать дугу, берутъ первую попавшуюся талину, загибаютъ ее и, если она слабо затягивается, то придѣлываютъ къ ней поперечину, или-же ограничиваются тѣмъ, что сдѣлавъ изъ палокъ нѣчто въ родѣ прописной буквы А, замѣняютъ этимъ дугу. Нѣкоторые богачи, не стѣсняясь матеріаломъ и фасономъ сбруи, украшаютъ ее серебряными бляхами, въ особенности сѣдло—ынгыръ, недоуздокъ—чэнъ-кэи (иначе называется суларъ) и уздечку—юнь. Поводья называются—тасинъ, чумбуръ—кентесь, удила—остуганъ, пряжка—тербясы, потникъ травяной—бото, потникъ волосяной—серебре, передняя часть сѣдла—илинъ-буруга, задняя часть—кяминъ-буруга, ремни у тарака—тергю. Такія вещи переходятъ по наслѣдству изъ рода въ родъ и, какъ даваемое въ приданое, входятъ въ счетъ калыма. Нѣкоторые, зная хорошо бурятскій языкъ, утверждаютъ, что отдѣльные украшенія сбруи у Якутовъ имѣютъ общее название съ бурятскими. Якутское сѣдло похоже на бурятское, только больше его; обѣ луки—буругэ очень высоки, особенно передняя, обиты коваными серебряными, мѣдными и жестяными украшеніями ажурной работы мѣстного происхожденія. Боковыя части вышитаго чапрака называются кычымъ; часть чапрака, лежащая на крестцѣ, къ хвосту—чапаракъ; покрышка сверхъ подушки сѣдла—депся; стремена—исянга; подпруги—холунинъ; нагайка—кымми; махалка отъ комаровъ—дайбиръ. Къ числу дорожныхъ приспособленій слѣдуетъ отнести мѣховой мѣшокъ, въ который на ночь залѣзаешь путникъ до головы, запищая себя отъ вѣтра и холода. По поводу этого мѣшка Миддендорфъ пишетъ: «Нами утрачены многія принадлежности покрова и наряда, которые были въ употребленіи у нашихъ предковъ и которыми мы научаемся дорожить у кочевниковъ вслѣдствіе необыкновенной ихъ практичности. Для примѣра я напомню обѣ употреблявшихся нѣкогда, особенно на корабляхъ, набитыхъ листьями кожаныхъ мѣшкахъ, въ которые залѣзали на ночь. Подобный мѣшокъ единственное средство, позволяющее безопасно лечь спать подъ открытымъ небомъ на стужѣ, доходящей до замерзанія ртути. Гдѣ у насъ не было приготовленныхъ такимъ образомъ мѣховыхъ мѣшковъ, тамъ мы спасались, продолжаетъ Миддендорфъ, только тѣмъ, что ложились по два, антиподами другъ къ другу, пряча ноги до туловища одинъ въ рубашкообразномъ тулупѣ (сокуй) другого, вслѣдствіе чего эти тулупы смыкались и составляли одинъ мѣшокъ. Это опять напоминаетъ обычай предковъ спать вдвоемъ въ одномъ мѣшке». ¹⁾

В. Л. Приклонский.

¹⁾ Чтобы не разрывать цѣлости этого прекраснаго труда, мы напечатали у себя и эту вторую главу, хотя она уже была напечатана въ 1887 г. въ XVIII т. Восточно Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. Общ. въ Иркутскѣ.

Якутскія народныя повѣрья и сказки.

(Приложенія къ Этнogr. Оч. Три года въ Якутской области).

Громъ, по понятію Якутовъ, служить знакомъ проявленія гиѣва боговъ, живущихъ на небѣ. Каждый разъ, какъ загремитъ громъ, духъ, жившій на небѣ, низвергается на землю за свое неповиновеніе.

Маленькие пѣтушки (*Phalaropus rufescens Bris.*) много терпѣли отъ щукъ-рыбы. Въ ясный день, бѣгая по отлогому берегу рѣки, они часто дѣлались добычей щукъ; не стало пѣтушкамъ житья отъ щукъ, и въ горѣ своемъ рѣшили они просить Аи-Тоёна (создателя) избавить ихъ отъ этой напасти. Спросили щукъ: зачѣмъ губятъ онѣ пѣтушковъ? Онѣ отвѣтили, что дѣлаютъ это по неволѣ, чтобы удовлетворить голодъ. Аи-Тоёнъ приказалъ щукамъ оставить пѣтушковъ въ покое, указавъ имъ воду, где много мелкой рыбы, а чтобы щуки не забыли этого велѣнія, положено, чтобы, когда пѣтушки будутъ подходить къ водѣ, быть грому, отъ котораго щуки и прячутся на дно рѣки.

Главныхъ вѣтровъ—четыре: сѣверный, южный, восточный и западный. Этими вѣтрами управляютъ четыре добрыхъ духа, приставленные охранять покой четырехъ сторонъ земли. Эти добрые духи ведутъ между собой сношенія чрезъ посредство подчиненныхъ имъ вѣтровъ. Цѣль сношеній—слѣдить за духами противными (недобрыми) и узнавать, что они дѣлаютъ на землѣ. Вѣтры промежуточные, т. е. СВ., ЮВ., ЮЗ и СЗ. исходятъ отъ демоновъ, живущихъ между собой не въ ладу; они всегда ссорятся между собой, дерутся и къ тому же склоняютъ между собой людей. Главный надъ этими духами живетъ въ сторонѣ, между сѣверомъ и западомъ, откуда лѣтомъ сыплется на землю соль, т. е. градъ, и нагоняетъ холодный вѣтеръ. Черезъ посредство промежуточныхъ вѣтровъ сносятся съ духами (злыми) шаманы и даже ведутъ съ ними войну. Гдѣ вѣтромъ повалено или поломано много лѣсу, тамъ дрались шаманы. Вихрь—это злой духъ, который въ злобѣ своей вьется и кружится. Однажды два шамана, поссорившись между собой, условились подраться. Мѣстомъ драки назначень былъ Верхоянскій хребеть; одинъ изъ нихъ жилъ недалеко отъ Якутска, а другой на р. Алданѣ, и разстоянія между ними было до 350 верстъ. Наканунѣ дня, назначенаго для поединка, оба шамана вышли изъ своихъ юртъ и оборотившись вихремъ полетѣли черезъ рѣки, лѣса и горы прямо къ Верхоянскому хребту; гдѣ они пролетали, тамъ оставался за ними слѣдъ, тамъ повсюду на горахъ и долахъ валился лѣсъ. На разсвѣтѣ назначенаго дня прилетѣли они на Верхоянскій хребеть и, отдохнувъ немнога, начали драку. Дрались они долго, переломали весь лѣсъ на хребтѣ, изрыли тамъ земли и переворочали камни всѣ и только, когда выбились изъ силъ, перестали драться. Съ того-то времени и до сихъ поръ много поваленаго лѣсу лежитъ на Верхоянскомъ хребтѣ.

Прежде, давно, на землѣ была только одна плотоядная птица, по названію „Сарай“. Птица эта была огромной величины; она много пожирала на землѣ, и мелкимъ тварямъ вовсе не было житья отъ нея, все трепетало ея. Не силенъ ли медведь и не хитра ли лисица, однажды и они ея боялись и часто, когда она была близко, имъ приходилось голодать. Нужда заставила ихъ искать средства: всѣ звѣри, большие и малые, собравшись на общій суглань (сходъ), или совѣтъ, единодушно положили просить Аи-Тоёна ¹⁾ избавить ихъ отъ этого страшилища. Просьба ихъ была уважена: изъ—ог-

¹⁾ Господа Бога.

Аль-Іотъ итчитя—духъ огня.

До прихода Тунгусовъ, потѣшившихъ Якутовъ ближе къ сѣверному морю (южное море—Байкалъ), Якуты не думали, чтобы кромѣ нихъ еще жили люди на землѣ. У верховьевъ Лены—начало земли, а у истоковъ ея—земля склоняется: тамъ конецъ. Сначала люди, т. е. Якуты, не знали огня, Ѳли все сырое и много терпѣли отъ стужи, пока добрые духи не умудрили одного изъ нихъ добыть огня изъ камня и совершенно неожиданно. Вотъ это какъ было: въ лѣтній жаркій день бродилъ стариkъ по горамъ и, присѣвъ отдохнуть отъ нечего дѣлать сталь, бить камень о камень; отъ удара посыпалась искры, зажгли сухую траву, а за нею и сухія вѣтви. Огонь распространился, и люди со всѣхъ сторонъ сбѣжались смотрѣть невиданное чудо; чѣмъ дальше, тѣmъ больше становился огонь и привелъ всѣхъ въ трепетъ и ужасъ, но къ счастью полилась сверху вода и загасила огонь. Съ этого времени Якуты научились добывать огонь и тушить его. Огню, какъ могущественной силѣ, поклоняются люди (Якуты); при принесеніи жертвы какому бы то ни было духу огню приносять прежде всего, и непремѣнно отъ всякой пищи Якутъ плеснетъ ложку въ огонь; ему бросаютъ отъ первого весенняго кумыса, его вездѣ величаютъ Алъ-Уотъ.

О чествованіи огня много рассказовъ. Такъ разъ Маркатаnъ (Маркъ), Ѳдучи къ тестю своему, заѣхалъ по дорогѣ къ своему знакомому Бахылаю (Василію). Гостя нужно всегда угостить, а если у хозяина нѣть ничего, то хотя покурить трубочку или понюхать табачку, а тутъ дали поужинать. Маркатаnъ удивился, что, готовя пищу, хозяйка, противъ общаго обыкновенія, не сплескивала въ огонь изъ котелка, а потому отъ себя почтила огонь, сплеснувъ ему ложку изъ поданной на столъ чашки. Попужинавъ легли спать. Ночью Маркатаnъ пробудился и сквозь тлѣющій слабый свѣтъ разглядѣлъ, что на шесткѣ камина сидѣтъ мальчикъ сухой и тощій, а когда Маркатаnъ сталъ пристально всматриваться, то услыхалъ тихую жалобу на хозяина юрты: „Я исхудалъ здѣсь, никто мнѣ не даетъ Ѳесть, я всегда голодный, и ты первый далъ мнѣ ложку каши. Я сдѣлаю тебѣ за это добро, слушай меня: уѣзжай отсюда скорѣе, ты увидишь, что здѣсь случится“. Маркатаnъ почувствовалъ отъ страха дрожь во всемъ тѣлѣ и, скоро собравшись, уѣхалъ не простясь съ хозяиномъ. Отѣхавъ отъ юрты, Маркатаnъ оглянулся: юрта Бахылая пылала вся въ огнѣ. У Моппея (Матвѣя) Коршука было всегдашимъ обыкновеніемъ изъ варящейся пищи удѣлять что нибудь огню; оттого онъ всегда жилъ хорошо: его коровы телились раньше другихъ, сметана была гуще и масло—вкуснѣе. Старый Пайбалъ (Павель) также жилъ богато, а все оттого, что не забывалъ Аль-Іота и приносилъ ему жертву. Аль-Іотъ итчитя всегда подметалъ у него дворъ, убиралъ пометъ въ хотонахъ (хлѣвахъ), ходилъ за его телятами и жеребятами и заплеталъ лошадямъ гривы; часто видали маленькаго стариčка съ метлой въ рукѣ: онъ ходилъ по двору и подчищалъ грязь лопатой, выбрасывалъ въ окно хотона скотскій пометъ, а когда, подоивши коровъ, разольютъ молоко по тусамъ (берестяныя ведра) и поставятъ въ ледникъ, а сами послѣ трудовъ уснутъ, стариčекъ отправляется въ погребъ и переливаетъ молоко изъ одной посуды въ другую, отчего, по увѣренію Пайбала, у него были сливки гуще, чѣмъ у другихъ и вкуснѣе. Уйбанъ (Иванъ) Чуча Ѳхалъ разъ изъ города (конечно Якутска) домой, застигла его буря (пургѣ) и онъ заѣхалъ переночевать въ ближайшую юрту. Снявъ сумы и сѣда, подложивъ себѣ подъ голову, скоро заснулъ; видѣть во снѣ, что сѣдой стариkъ прохаживается по юртѣ взадъ и впередъ и, подошедши къ Уйбану, сказалъ: Я перейду жить къ тебѣ! При этихъ словахъ въ сумѣ подъ головой что-то зашевелилось. Уйбанъ проснулся и вскочилъ съ своей постели: изъ сумы выбѣжала мышь и, испугавшись въ

свою очередь Уйбана, снова бросилась въ суму. Уйбанъ понялъ, что въ образѣ мыши былъ духъ, который обѣщался перейти къ нему на жительство; всю ночь просидѣлъ Уйбанъ, скрючившись, посреди юрты, боясь пошевелиться, а когда проснулись хозяева, Уйбанъ сталъ смѣлѣе, началъ даже покашливать и совсѣмъ забылъ, что ему хочется спать. Когда всѣ встали съ своихъ постелей, Уйбанъ вытащилъ суму на середину юрты, выложилъ изъ нея все, что въ ней было—онъ хотѣлъ выбросить и мышь, но въ сумѣ нашелъ только свои вещи; онъ сложилъ ихъ обратно, и, не дождавшись завтрака, уѣхалъ домой. Къ вечеру онъ пріѣхалъ домой, вошелъ въ юрту, положилъ суму на свой оронъ (постель), а самъ подсѣлъ къ камину. Вскорѣ suma зашевелилась, и преогромная мышь вылѣзла изъ нея и поспѣшно ушла подъ каминъ. Спустя нѣкоторое время Уйбанъ услыхалъ, что юрта, въ которой онъ ночевалъ, стоитъ пустою: хозяинъ оставилъ ее, потому что какъ ни старался развести огонь въ каминѣ, онъ всегда угасалъ.

Сказка о могучемъ богатыре Кись-Саныахѣ и о сынѣ его Бардамъ-Санаахѣ.

Не на небѣ и не на нашей бѣдной землѣ, а въ среднемъ между небомъ и землей благодатномъ краю, гдѣ вѣчное лѣто и день, гдѣ солнце ни на минуту не прячется за причудливые хребты, гдѣ не бываетъ холода и вода не мерзнетъ и не убываетъ, гдѣ люди живутъ не старѣясь и не умирая, гдѣ о труда и горѣ знаютъ только по наслышкѣ, жилье давно человѣкъ, по имени Кись-Саныахъ; богатство у него было такое, что ни вамъ, ни мнѣ и во снѣ не видать, а жена его, дочь великаго господина, обладателя средней поднебесной страны, была такой неописанной красоты, какой на землѣ у насъ нѣть. Кись-Саныахъ въ приданое за женой получилъ дерево такое высокое и вѣтвистое, что вѣтви его бросали тѣнь на такое пространство, что весь скотъ его въ полдневный зной сходился подъ его тѣнь, а на вѣтви слетались всѣ поднебесные птицы. Домъ у него былъ такой большой и крѣпкій, что ни вихорь, ни пурга, ни время не могли повредить ему, а двери входныя были столь тяжелы и велики, что восемьдесятъ человѣкъ едва могли отворять ее, да и самъ Кись-Саныахъ былъ молодецъ не въ нашу мѣру, и восемьдесятъ такихъ, какъ мы, врядъ-ли справились бы съ нимъ. Скота у Кись-Саныаха было столько, что онъ, побывавъ одинъ разъ на нашей землѣ въ осеннюю звѣздную ночь подумалъ: звѣздѣ ли надо мною больше, или у меня скота? Казалось бы, можно было жить безъ печали и горя и страха, но и Кись-Саныахъ былъ человѣкъ и имѣлъ свое горѣ и чувствовалъ страхъ. Онъ слыхалъ, что на нашей бѣдной землѣ бываютъ такие нахалы, что часто берутъ не свое и ходятъ въ гости незваными. Причиною страха была молодая его жена—чудо красоты. Еоялся онъ, чтобы кто-нибудь не похитилъ ее, чтобы взоръ какого либо нахала не упалъ на его божество и не осквернилъ его. Онъ чувствовалъ, что если кто посторонній проникнетъ въ его жилище, то ждать ему горя и несчастій. Ревность и страхъ потерять свое сокровище не давали ему покоя ни днемъ ни ночью; онъ никогда не снималъ своей собольей шубы, не выпускалъ изъ рукъ своей тяжелой трости, всегда былъ вооруженъ съ ногъ до головы и приготовленъ ко всякой случайности. Чего онъ страшился, то вскорѣ и случилось. Одинъ богатырь-волшебникъ, родомъ съ нашей земли, по имени Хара-Чогой, не видавшій никогда себѣ равнаго въ бою, услыхалъ о богатствѣ, славѣ и о красавицѣ женѣ Кись-Саныаха и вздумалъ навѣдать его. Вздумано—сдѣлано. Обратившись въ ворона, съ страшнымъ шумомъ и свистомъ полетѣлъ онъ къ жилищу Кись-Саныаха. Прилетѣвъ, опустился на золотую поскотину, да такъ тяжело, что поскотина, какъ ни крѣпка была она, съ трескомъ обрушилась подъ тяжестью нежданнаго гостя. Воронъ посмотрѣлъ на всѣ четыре стороны: поднялась страшная пурга, нанесло отовсюду горы снѣга и града на владѣнія Кись-Саныаха; всю землю и деревья покрыло ледянымъ покровомъ; третья часть всего скота Кись-Саныаха была обѣдомъ страшному ворону. Кись-Саныахъ въ это время спалъ. Онъ имѣлъ привычку спать подъ рядъ трое сутокъ, а вы-

спавшись не спаль втрое больше. Отъ шума и стука на дворѣ содрогнулась жена Кись-Саныха и вышла изъ юрты узнать, что тамъ дѣлается, и видѣть небывалое чудо: земля и деревья погребены снѣгомъ; обломки золотой поскотины лежать по сторонамъ, а скотъ безо всякой пощады пожираетъ страшный воронъ. Увидавъ ее, воронъ проговорилъ: „Попшли сюда своего мужа, у меня къ нему есть дѣло, да посытай поскорѣе, я ждать долго не привыкъ“. — Господинъ мой, воронъ сизочерный, говорить жена Кись-Саныха, смируйся, не погуби: мужъ мой не зналъ, что ты будешь нашимъ дорогимъ гостемъ и ушелъ на промыселъ въ сѣверную сторону. Услышавъ это, воронъ, словно черная туча поднялся съ поскотины и полетѣлъ въ указанную сторону искать Кись-Саныха, но сколько ни леталъ, сколько ни искалъ, конечно его найти не могъ. Съ немалой досадой прилетѣлъ онъ назадъ и пожралъ вторую треть скота Кись-Саныха. Ахъ, ты негодная! вздумала обманывать меня и скрывать мужа! Погоди, я найду его, а ужъ тебя, милая, непремѣнно возьму къ себѣ, ты знай это! — выкрикиваетъ ей съ поля воронъ. Со страхомъ опять выбѣгаешь къ нему жена Кись-Саныха и снова говоритъ ему: Не прогнѣвайся, господинъ сизо-черный воронъ, какъ ты отлетѣлъ, то мужъ возвратился съ охоты, но потомъ опять ушелъ и теперь въ южную сторону. Услыхавъ это, воронъ снова полетѣлъ искать Кись-Саныха; леталъ, леталъ и снова возвратился ни съ чѣмъ назадъ; и послѣдняя часть скота стала жертвой его прожорливости. Позавтракавъ, воронъ снова улетѣлъ на поиски. Къ тому времени пробудился Кись-Саныхъ и, когда разсказалъ ему жена о случившемся, онъ страшно испугался и сказалъ: „Зачѣмъ ты не разбудила меня ранѣе? видно, пришло время принимать къ себѣ гостя незванного!“ Жена наскоро подготовила ему пищу на дорогу, увязала ее, и Кись-Саныхъ, попрощавшись съ женой, сѣлъ на коня и поѣхалъ на встрѣчу страшному ворону, по дорогѣ къ четыремъ горамъ. Вскорѣ страшный воронъ опять возвратился, и пуще прежняго горятъ злобой его глаза, пуще прежняго сжимаетъ онъ свои желѣзные когти. Не нашедши хозяина дома, въ третій разъ пустился искать его. Въ это время жена Кись-Саныха была беременна и ходила на послѣднемъ мѣсяцѣ. Отдавъ мужу все, что имѣла, она осталась ни съ чѣмъ: ей печего было поѣсть, скотъ былъ сѣдень ворономъ или погибъ отъ бури; между тѣмъ голодъ мучилъ ее. Въ раздумье вышла она на дворъ и жалобно взмолилась роднымъ своимъ, отцу и матери: „ахъ, родные мои, дорогие, смируйтесь надо мной, бѣдною спротою! Былъ у меня мужъ, теперь навѣрное его не стало; былъ у насъ, скотъ, и было и богатство, но все истребилъ страшный воронъ! Я не знаю, что сдѣлалось теперь съ бѣднымъ мужемъ моимъ: его вѣроятно тоже загубилъ этотъ ужасный воронъ; и поѣсть-то мнѣ нечего; сама хожу беременная! Вспомните меня милые, вспомните — я вамъ родная!“ Послѣ того, долго-ли, коротко-ли, но все таки кажется въ тотъ же день много было хлопотъ и возни въ средней странѣ, на третьемъ ли небѣ, или между седьмымъ небомъ и землей; надъ жилищемъ Кись-Саныха скопилось много облаковъ, и вдругъ на полѣ появилось множество коннаго и рогатаго скота; засвѣтило по-прежнему солнце; снова поля зазеленѣли и зацвѣли, птички по прежнему стали распѣвать свои беззаботныя пѣсни. Жена Кись-Саныха разбогатѣла пуще прежняго; послѣ этого она въ скорости родила сына и назвала его Бардамъ-Саналахъ. Мальчикъ росъ не по днямъ, а по часамъ, и къ году сталъ уже сильнымъ и цвѣтующимъ юношей. Сынъ сталъ спрашивать мать, гдѣ его отецъ и кто онъ такой, какъ его зовутъ? Мать сначала не хотѣла рассказывать сыну исторіи отца, но потомъ, уступая его просѣбамъ, повѣдала ему свое горе, сказала и то, какъ раззорилъ ихъ страшный воронъ и какъ родные благословили ее снова богатствомъ. Тогда сынъ выпросилъ у матери лучшую лошадь, осѣдлалъ, поѣздилъ на ней, а потомъ сообщилъ матери, что онъ ёдетъ искать отца. Сколько ни упрашивала его мать не ёздить, сколько ни плакала, ни умоляла, юный богатырь не отступилъ отъ своего намѣренія и поѣхалъ искать отца прямо къ четыремъ горамъ.

Подѣлжая, онъ увидѣлъ, какъ около одной изъ горъ леталъ страшный воронъ, гоняясь за какимъ-то старикомъ. Бардамъ-Саналахъ догадался, что старикъ никто другой, какъ его отецъ, а воронъ — богатырь волшебникъ Хара-Чогой. Онъ спустился съ коня и закричалъ ворону: „Эй, ты, братецъ, молодецъ удалый! Какая тебѣ будетъ слава,

если ты одолѣешь этого усталаго старика? То-ли дѣло тебѣ со мной силой помѣряться, я противъ этого старика и поможе и посильнѣе! Такая дерзость взбѣсила ворона, и онъ рѣшилъ наказать молокососа. Хорошо, сказалъ воронъ, вогъ я не много отдохну, а потомъ попробуемъ, такъ-ли ты силенъ, какъ сказываешь. Воронъ далъ себѣ роздыхъ. Между тѣмъ старикъ благодарилъ своего избавителя, не зная того, что это былъ его сынъ, и обѣщалъ ему въ награду половину всего своего имѣнія. Воронъ, отдохнувъ, началъ бой: въ воздухѣ поднялась пыль такимъ густымъ облакомъ, что неба не было видно, а отъ шума и грома по всей землѣ (якутской) гулъ стоялъ. Долго дрались противники безъ перевѣса на чью либо сторону, наконецъ изнемогли и оба повалились на землю. Тогда Бардамъ-Саналахъ, отчаявшись въ побѣдѣ, обратился къ небу, запѣвъ: „Мой славный дѣдъ, что живешь въ средней странѣ, помоги мнѣ побѣдить ужаснаго злодѣя, брось съ неба въ пасть этого обжоры копье твоё и тѣмъ, ты избавишь меня отъ страшного позора, а можетъ быть и отъ смерти!“ Едва допѣлъ онъ, какъ раздвинулось небо и копье, блестя молнией, упало прямо въ пасть задыхающагося отъ злобы ворона, который вскорѣ же и издохъ. Бардамъ Саналахъ сжегъ трупъ его, причемъ отъ огня ускользнулъ блескъ вороновыхъ глазъ, сверкнувъ въ сторону, словно молния. Сложивъ свое копье въ сумку (оно было складное), юный побѣдитель отправился домой. Отѣхавъ немногого, онъ увидѣлъ юрту, которой раньше не видаль, и очень тому дивился. Онъ подошелъ къ юртѣ, заглянувъ въ щель—въ ней никого не было, пусто. Отпустивъ лошадь на траву, Бардамъ-Саналахъ спрятался въ кусты и караулилъ, кто придетъ въ юрту. Полежалъ онъ часъ, другой, какъ вдругъ изъ разщелины горы выбѣжала очень быстро огромная крыса, которая, добѣжавъ до избушки, обратилась въ старуху и вошла въ юрту. Снова подкрался къ окну Бардамъ-Саналахъ и видѣть, что старуха кого-то нянчить, припѣвая: „ба, бая, ба, бай, что мигъ, то годъ, что мигъ, то годъ! Пять годовъ—пять вѣковъ!“ Сразу понялъ юноша, кого нянчила старая вѣльма, и обратившись въ нищаго, вошелъ въ юрту; старуха нянчила ребенка, а блескъ глазъ его сразу напомнилъ богатырю страшного ворона. Старуха узнала вошедшаго и сказала ему: Судьба послала тебя побить нашъ родъ! я сестра главнаго богатыря Хара-Чогой, котораго умертвило копье твоего дѣда, но я дамъ тебѣ выкупъ за себя и за этого малютку; согласенъ ли ты на это?—Пожалуй, отвѣтилъ Бардамъ-Саналахъ, я не прочь, но какой выкупъ предложишь ты мнѣ?—Такой выкупъ, отвѣтила старуха, какой тебѣ и во снѣ не снился, и, говорю напередъ, будешь имъ доволенъ. Вотъ тебѣ шелковый шарикъ: брось его передъ собой, и куда онъ покатится, туда и поѣзжай, а время и обстоятельства укажутъ тебѣ, что надо тебѣ дѣлать. Знай: камнемъ желѣзо сотрешь, а меня съ бою не возьмешь; смотри, не думай предлагать мнѣ условій, я ихъ не люблю; я сама властная госпожа и надо мнѣ нѣть никакого владыки. Бардамъ-Саналахъ взглянулъ въ сверкающіе глаза старухи и, молча взявъ изъ ея руки клубокъ, поклонился и вышелъ. Сѣвъ на коня, онъ бросилъ впередъ свой клубокъ и поѣхалъ за покатившимся шарикомъ. Ехалъ онъ долго и наконецъ видѣть передъ собой палаты изъ чистаго серебра; шарикъ, докатившись, исчезъ въ дверяхъ этого дворца. Богатырь подошелъ къ сѣнямъ, огромный засовъ дверей самъ отодвинулся передъ нимъ, и дверь раскрылась настежь. Вошелъ онъ въ палаты и видѣть: на мягкихъ собольихъ шкуркахъ сидѣть старикъ и старуха, сѣдые какъ снѣгъ. Лишь только вошелъ богатырь, какъ хозяева встали съ мѣстъ, поклонились ему и просили садиться: „Счастливаго прїѣзда, мой дорогой зятекъ, суженый нашей дочери! давно мы тебя поджидали!“ Спустя нѣкоторое время, провели его въ особое помѣщеніе, усадили на соболье сидѣнья, угощали жирнымъ конскимъ мясомъ, поили лучшимъ кумысомъ; затѣмъ подвели къ нему свою дочь и сказали: „Судьба назначила васъ одинъ для другого, живите счастливо и любовно!“ Дѣвица была чудомъ ума и красоты, и богатырь, увидавъ её, полюбилъ сразу и тутъ же согласился жениться на ней. Начался пиръ, по обыкновенію: въ то время Якуты не знали вина и пили кумысъ съ масломъ, который приготавливали лучше, чѣмъ мы теперь. Послѣ совершившагося такимъ образомъ бракосочетанія тещь сказала зятю: „Дорогой зять, я знаю, у тебя живы отецъ и мать, они не знаютъ, что ты живъ и здоровъ и даже женатъ; несомнѣнно они очень обрадуются, увидавъ тебя съ молодой женой; я отдѣлилъ вамъ половину всего моего имѣнія, возьмите его и поѣз-

жайте благополучно обрадовать родителей твоихъ, которые думаютъ, что тебя погубилъ страшный воронъ, а вышло на оборотъ, недаромъ говорить пословица: отъ бѣды пожива бываетъ (алджархайтанъ аль тахсаръ); сестра ворона указала тебѣ насть и твою жену". Съ красавицей женой и полученнымъ богатствомъ поѣхалъ нашъ богатырь въ отчий домъ. Старикъ-отецъ, завидѣвъ приближающихся гостей, вышелъ къ нимъ на встречу и не узналъ своего сына. Богатырь сказалъ ему: Я тотъ, кому ты обѣщалъ половину твоего имѣнія, когда я избавилъ тебя отъ когтей ворона. Тогда старикъ едва привель себѣ на память и наконецъ вспомнилъ, что дѣйствительно какой-то молодецъ спасъ его отъ неизбѣжной гибели. Хотя старикъ и слышалъ отъ жены, что у нихъ былъ сынъ, но такъ какъ времени съ тѣхъ поръ прошло много и сынъ не возвращался, то съ теченiemъ времени и самая память объ этомъ обстоятельствѣ изгладилась изъ памяти и теперь едва онъ могъ припомнить, что дѣйствительно кто-то, когда-то спасъ его, но о томъ, что у него былъ сынъ, вспомнить не могъ. Старикъ позвалъ въ домъ гостей, а старуха, выйдя посмотреть, кто гости, узнала сына и на радостяхъ устроила пиръ на славу, Долго пили жирный кумысъ и ёли вкусное и сочное конское мясо. Съ тѣхъ поръ молодые и старики зажили спокойно и счастливо.

Эряйдахъ Бурыйдахъ Эрь Соготохъ.

Съ седьмого неба былъ сотворенъ Якуть, который жилъ на землѣ; у него была огромная юрта; за обѣдомъ и ужиномъ онъ ёлъ по три кобылы, которыхъ варили въ громадномъ котлѣ; онъ былъ необыкновѣнного роста и силы—его звали Эряйдахъ Бурыйдахъ Эрь Соготохъ. Оружіемъ его были: лукъ, сдѣланный кузнецами, живущими за девятымъ морями, (эти кузнецы звались чёмчёрюкянъ кырбытанъ и работали его девять сутокъ); стрѣла этого лука имѣла свойство убивать все, что было впереди на разстояніи семи ночлеговъ; 90-пудовая булава или кистень и огромный мечъ (батасть), самой красивой работы, съ искусно отполированнымъ клинкомъ, довершали вооруженіе. Эрь Соготохъ былъ увѣренъ, что если бы 38 родовъ чертей, живущихъ въ адѣ, вздумали бороться съ нимъ, то онъ всѣхъ ихъ раскрошилъ бы, какъ мухъ. Однаково мощнымъ считалъ онъ себя и противъ 28 родовъ небожителей. Жилъ Эрь Соготохъ одинъ, никого изъ людей не видалъ; богатство его было громадно и состояло изъ скота и пушныхъ звѣрей. Однажды, вставъ утромъ, онъ одѣлся, умылся, сѣлъ на своего вороного коня и поѣхалъ осматривать свой скотъ. Бхавши, увидавъ онъ впереди себя саврасаго коня огромнаго роста, дыханіе котораго обхватывало пламенемъ все, что было передъ нимъ; на конѣ, сидѣлъ осьмигранный желѣзный чортъ; голова его была величиной равна десяти стогамъ сѣна сложеннымъ вмѣстѣ; носъ былъ желѣзный въ $3\frac{1}{2}$ сажени длины; когти на рукахъ были тоже желѣзные и были по три четверти длины каждый. Одѣть былъ великанъ этотъ весь въ желѣзо, почему можно было принять его за желѣзного человѣка. Увидавъ такого страннаго великана, Эрь Соготохъ и радъ былъ встрѣтить себѣ соперника, и вмѣстѣ съ тѣмъ злое чувство поднялось въ его сердцѣ; онъ поскакалъ къ нему и, поровнявшись, запѣлъ: „Хотя ты восьмигранный чортъ, но слушай, что скажетъ тебѣ мое серебряное горло: откуда ты, какъ зовутъ тебя, кто твои предки и зачѣмъ ты заѣхалъ сюда?“ Какъ только Якуть Эрь Соготохъ выговорилъ это, желѣзный великанъ сошелъ съ своего коня, имѣя въ рукахъ мечъ, и, довольно близко подойдя къ Соготоху, запѣлъ: До моей родины можно доѣхать въ три вѣка, а путь лежитъ на край свѣта, черезъ девять морей, за огненнымъ моремъ. Отецъ мой—духъ огненнаго моря—Уть-осарь-тоёнъ, а меня зовутъ Тимирь Уоранъ-Еухатыръ. Я прїѣхалъ къ тебѣ попробовать твою силу, убить тебя и думаю, что я тебѣ равный другъ (т. е. такой же богатырь, съ которымъ тебѣ не стыдно сразиться). Эрь Соготохъ выхватилъ свой мечъ, ударилъ имъ дьявола по головѣ и сказалъ—„На, вотъ, другъ, посмотри мою силу и ловкость“. Началась драка, продолжавшаяся девять сутокъ, и никто изъ нихъ не могъ считать себя

побѣдителемъ. Тогда дьяволъ сѣлъ на своего коня и сказалъ Якуту: Ну, попробуй до-
гнать меня, неужели ты не рѣшился гнаться за мной? Якутъ погнался за нимъ, не
зная, куда єдетъ; наконецъ разглядѣлъ, что єдетъ уже за предѣлами своей родины,
гдѣ девять небосклоновъ сходятся съ землей, а съ западной стороны протекало огнен-
ное море. Доѣхавъ до этого моря, дьяволъ остановилъ своего коня и сказалъ Якуту: „ты
теперь очень далеко отъ своего дома; если воротишься домой, то я всѣмъ буду раска-
зывать про твою трусость, расскажу всему небесному улусу, передамъ на смѣхъ всему
потомству. Ну, теперь смотри, какъ я поѣду“. Сказавъ это, дьяволъ бросился въ огнен-
ное море, а Якутъ, не отставая, полетѣлъ за нимъ. Три дня плылъ онъ по огненному
морю, не было ни конца, ни краю его; пламя обхватывало всю его одежду и коня, такъ что
на немъ сгорѣла вся одежда, а на конѣ вся шерсть. Наконецъ волной выбросило его на
берегъ едва живаго, такъ что онъ не могъ ни встать, ни сидѣть. Тогда онъ обратился
къ небу и стала звать на помощь духа Сотворителя. На небѣ появилось бѣлое облако,
грянулъ громъ, послѣ чего показалась сидящая на облакѣ шаманка, которая, спу-
скаясь надъ нимъ, запѣла: „Сотворившій тебя отецъ услышалъ просьбу твою; ты сотво-
ренъ былъ въ давнопрошедшія времена на небѣ Аи-Тоён'омъ, сотворившимъ и
всѣхъ насъ. Я—шаманка, воскрешаю умершихъ, исцѣляю больныхъ; меня зовутъ
Ань Тюсюльгю Удаганъ. Отецъ твой посыаетъ тебѣ свое благословеніе на побѣду вра-
говъ и на смерть Тимири Уорана. Вѣсть о твоемъ спасеніи сообщаю тебѣ!“ и съ этими
словами полетѣла обратно на небо.

Соготохъ немедленно почувствовалъ себя здоровымъ, сѣль на своего коня и проѣхалъ за Тимирь Уораномъ на западъ; доѣхавъ до конца земли, гдѣ начинается дорога въ адъ, онъ, по причинѣ всегдашихъ сумерекъ въ той сторонѣ, не могъ ничего разсмотреть. Люди тамъ были одногонгие, съ одной рукой на груди и однимъ глазомъ во лбу. Доѣхавъ до этого мѣста, Тимирь Уоранъ скрылся изъ глазъ Соготоха, а люди его въ несмѣтномъ количествѣ напали на Соготоха и били его семь сутокъ, и Соготохъ защищался противъ нихъ своей саблей; освободившись отъ нихъ, онъ продолжалъ свой путь на западъ и доѣхавъ до каменного дома, оборотился громаднымъ быкомъ, длиной въ 70 сажень, съ рогами въ 30 сажень и легъ у порога этого дома. На девятомъ мѣсяцѣ этого лежанья вышла изъ дому старуха Тимирь Бягійдянь, съ семью горбами на спинѣ, съ однимъ глазомъ на лбу, съ саженнымъ желѣзнымъ носомъ, съ одной рукой на груди, снабженной аршинными желѣзными когтями. Старуха, увидавши быка, стала скакать вокругъ него и запѣла: „Ты скажи, бычекъ, откуда ты пришелъ; если бы съ неба спустился, быль бы на тебѣ снѣгъ; если бы ты вышелъ изъ земли, быль бы ты въ пыли. Я спала 9 мѣсяцевъ, и на счастіе моего желудка богъ послалъ мнѣ тебя, и теперь мнѣ голодной будетъ чѣмъ позавтракать“. Какъ только старуха кончила эти слова, быкъ подхватилъ ее на рога, и началась драка: старуха защищалась носомъ и когтями. Дрались они 9 мѣсяцевъ, у быка не стало ни роговъ, ни шкуры и побѣда клонилась уже на сторону старухи, но быкъ сбросилъ съ себя остатки своей шкуры и стала опять тѣмъ, чѣмъ быль прежде, Соготохомъ, и, остановившись передъ старухой, запѣлъ: „Дочь ада, слушай, что скажу тебѣ: меня зовутъ Эряйдахъ Бурийдахъ Эрь Соготохъ. Я ищу богатыря Тимирь Уорана, котораго, я знаю, ты спрятала, и, если ты мнѣ не выдашь его, то я тебя убью“. На это Тимирь Бягійдянь вскричала такъ громко, что треснули горы: „Я теперь поняла, зачѣмъ ты лежалъ у моего порога девять мѣсяцевъ; я знаю, гдѣ Тимирь Уоранъ, но пока будутъ цѣлы мои склокости, я не выдамъ тебѣ его“. Снова началась жестокая борьба, и побѣда уже склонилась на сторону Якута, какъ старуха остановила его: „Дай мнѣ немногого отдохнуть, я тебѣ скажу всю правду. Тимирь Уоранъ проѣхалъ здѣсь три года тому назадъ; его домъ отсюда на югъ, за девятью морями, на концѣ земли тамъ, гдѣ живутъ Якуты, но не тѣ, которыхъ ты знаешь; тамъ живутъ Хонгорунъ Хотой Бюргю Тоенъ и его жена Кюнь Тюсюльгю Хотунъ; у нихъ дочь—шаманка Сырдыкъ Сыралыма; она пожелала выйти за тебя за мужъ и потому послала за тобой Тимирь Уорана, чтобы или заманить тебя къ ней, или привезти насильно“. Когда она кончила эти слова, онъ бросилъ ей свою шкуру, и она обратилась въ 70-ти саженного быка. Эрь Соготохъ сѣль

на него верхомъ и поѣхалъ на югъ, На девятый день доѣхали они до страны, гдѣ жилъ Хонгорунъ Хотой; Соготохъ спустился съ быка, который, проглотивъ сразу 270 коровъ, отправился назадъ. Затѣмъ Соготохъ направился къ дубу, стоявшему на громадномъ бугрѣ, отрубилъ 9 главныхъ суковъ, разложилъ 9 костровъ, поймалъ 9 кобылицъ, которыхъ изжарилъ на 9-ти рожнахъ и съѣлъ всѣхъ разомъ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Хонгоруна Хотоя, то послѣдній сказалъ: „Я думалъ, что Эрь Соготохъ— Якутъ, а онъ дьяволъ, и прїѣхалъ раззорить меня. Девять дѣвъ и девять юношей, приготовляйтесь, садитесь всѣ на бѣлыхъ лошадей, отправляйтесь къ нему и просите его ко мнѣ“. Они прїѣхали къ Соготоху и такъ обратились къ нему: „Господинъ нашъ, мы прїѣхали просить тебя прїѣхать къ нашему отцу и матери, которые этого желаютъ“. Услыхавъ это, Эрь Соготохъ сильно закричалъ на нихъ и, схвативъ свою саблю, гналъ ихъ 7 верстъ, а возвратившись назадъ, онъ опять изжарилъ 9 кобыль и, съѣвъ ихъ, легъ спать. Посланые, возвратясь къ Хонгоруну Хотою, рассказали про все, что они видѣли и испытали и высказали при этомъ свое мнѣніе, что Эрь Соготохъ не человѣкъ, а дьяволъ. Хонгорунъ Хотой имѣлъ двухъ сыновей-богатырей: первого звали Хороджай-Бяргянъ, а второго—Хомусъ Уланъ Аттахъ Хомустаи Бяргянъ. Они, услыхавъ про поступокъ Соготоха, стали снаряжаться къ бою изготавливши, поѣхали къ Соготоху. Старшій запѣлъ: „Я ожидалъ видѣть въ тебѣ хорошаго человѣка, а ты прїѣхалъ насъ раззорять; я тебѣ равный, и мы помѣряемся силой“. Началась драка и продолжалась девять сутокъ, безъ перевѣса на чьей либо сторонѣ. Тогда дочь Хонгорунъ Хотоя—шаманка Сырдыкъ Сыралыма сѣла на облако и стала умолять прекратить драку: „Эрь Соготохъ, послушай словъ любящей тебя: оставь драку! того же желаютъ и родители мои“. Услышавъ это, дравшіеся остановились и тутъ же помирились. Эрь Соготохъ женился на Сырдыкъ Сыралымѣ. Раньше на ней хотѣлъ жениться дьявольскій богатырь Ань-Аджырга, который, взявъ съ собой 800 отборныхъ богатырей и прїѣхавъ къ Хонгорунъ-Хотою, велѣлъ сказать ему: „Я думалъ жениться на твоей дочери, а ты отдалъ ее Эрь Соготоху. Соготохъ долженъ со мной драться, и побѣда рѣшитъ, кому изъ насъ должна принадлежать Сырдыкъ Сыралыма“. Эрь Соготохъ и два брата его жены, собравъ сколь возможно было больше воиновъ, направились на своего новаго врага, который истребилъ весь скотъ Хонгоруна Хотоя и сжегъ его лѣса. 9 сутокъ дрались Якуты и наконецъ перебили всю дьявольскую силу, а самого Ань Аджырга, взявши въ плѣнъ, привязали къ 9-ти лѣснамъ, но ни какъ не могли убить его. Тогда жена Эрь Соготоха сказала: „Не можетъ быть, чтобы онъ былъ весь желѣзный, когда хотѣлъ жениться на Якутѣ: противъ сердца должно быть открытое мѣсто“. Дѣйствительно, противъ сердца обнаружено проницаемое мѣсто, и Ань Аджырга былъ убитъ. Спустя некоторое время Эрь Соготохъ съ женой поѣхалъ домой, (пути его было три года), и прїѣхавъ, зажилъ спокойно и зажиточно. Отъ него произошли теперешніе Якуты.